

ДАМСКИЕ
ДЕТЕКТИВЫ

АЛИНА РОМАНОВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО СОБЛАЗНИТЕЛЬНИЦЫ

Крепка как смерть любовь

Новый
РОМАН

Детективная мелодрама

Галина Романова

Личное дело соблазнительницы

«ЭКСМО»

2006

Романова Г. В.

Личное дело соблазнительницы / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2006 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-21623-9

Устраиваясь на работу, Алиса не предполагала, что ее красота станет камнем преткновения. Она вызывала зависть женщин, чрезмерное внимание мужчин. А дальше хуже: стали пропадать важные документы, затем на столе начальника оказались... порнографические снимки Алисы. Распутницу немедленно уволили. Но вскоре подоспело обвинение в убийстве – шефа кто-то застрелил. Все улики указывают на незаслуженно уволенную девушку – но разве она способна на такое?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-21623-9

© Романова Г. В., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Личное дело соблазнительницы

Глава 1

Что такое настоящая мышьяная возня, Алиса до недавнего времени совершенно не предполагала и, если честно, никогда не задумывалась, насколько это может быть противно.

Нет, она, конечно же, знала, что в русском языке имеется подобный фразеологизм. Не раз аккуратным почерком выписывала его под диктовку в школе. Знала, что после «ш» следует писать непременно «и» и что слово «возня» пишется через «о», поскольку проверочное слово – «возится». И даже, кажется, попался ей билет с таким вопросом на одном из экзаменов в институте. Но вот чтобы понять конкретику, в полной мере осознать, прочувствовать, вкусить все прелести этой самой мышьяной возни...

Нет, такого испытывать ей не доводилось прежде. А когда довелось, то Алиса едва не сошла с ума.

Началось все с того, что в ее квартире завелись мыши, и еще с того, что она сменила работу. Или наоборот? Сначала она сменила работу, а потом в ее квартире завелись мыши?

Да какая, в принципе, разница, что и зачем следовало! Главное-то было в другом! Главное заключалось в том, что жизнь ее, совершив крутой вираж, вдруг начала меняться прямо на глазах. И, между прочим, не в лучшую сторону. Хотя Алиса и ожидала обратного.

Да, ей хотелось перемен! А кому не хочется?

Да, она устала день за днем таскаться на свое предприятие, изнывающее от тяжелого бремени кредиторского ига и готовое вот-вот разрешиться банкротством.

Устала считать копейки до зарплаты, экономить. С ужасом ждать квитанций за квартплату, которые ей каждый месяц аккуратно просовывали в щель между входной дверью и приотолокой. Ей надоело перешивать, перевязывать, донашивать и штопать старую одежду. И она начала искать работу.

Это оказалось не таким уж простым делом, хотя Алиса и жила в областном центре с прекрасно развитой инфраструктурой.

Мешало буквально все.

Никому не нужным оказалось ее образование (Алиса окончила институт культуры). Библиотекарей хватало и без нее.

Никто не воспринял всерьез ее трехмесячные курсы по бухучету и аудиту. Кто доверит свои деньги молодой девчонке без опыта? До этого-то работала диспетчером.

И совершенно не нашлось желающих посадить ее в своей приемной в качестве секретаря-референта. Тут всех руководителей настораживало сразу несколько моментов.

Алиса очень нравилась мужчинам, очень! За это ее ненавидели женщины, почти все, без исключения. И вот за эту женскую ненависть мужчины, которым Алиса вроде бы нравилась, панически ее боялись.

Кому, скажите, захочется иметь проблемы из-за секретарши? Точнее, из-за ее внешности?

Тут вам и жена непременно примется ревновать. И коллектив медленно и планомерно начнет сходить с ума. Женщины – от зависти. Мужчины – от вожделения. И работа-то какая при таком раскладе?! Пускай уж серая мышка торчит перед монитором и методично стучит по клавиатуре, не вызывая ни у кого негативных эмоций. Кроме разве что у шефа...

– Аля! Детка! Будь к людям снисходительнее! – пытался утешить Алису ее давний друг и воздыхатель Антон Матвеев. – Не нужно видеть в них врагов! Они же просто... Просто осто-

рожничают! Кому охота держать подле себя такое произведение искусства, причем в подлиннике?! Это же непомерный груз ответственности!

Слова Антона служили слабым утешением. Осторожничали там с ней, остерегались, боялись или вредничали, она-то по-прежнему сидела без работы. Что необходимо было предпринять, Алиса не знала.

– А ты попробуй по порносайтам пройтись, может быть, там для тебя что-нибудь найдется подходящее, – с паскудным видом советовал Матвеев, уже давно отчаявшийся затащить Алису в постель. – А то ведь так и скончаешься девственницей, Аля...

Он всегда называл ее именно так. Всегда, с самой первой минуты их знакомства, то есть со второго курса института. Антон, правда, тогда учился в машиностроительном, но тоже на втором.

Вот как представилась она ему Алисой, так он сразу ее имя и ополовинил, сам того не ведая, что не стал первооткрывателем.

Ее имя сокращали все.

Те, кто нежно и преданно любил ее, – к этой категории относились в основном родители и родственники, – называли Алей, Алечкой, Алюней...

Те же, кто с трудом терпел и побаивался ее, называли Лисой. Тем более что и внешность ее к этому очень располагала.

Алиса и в самом деле походила на лису. Длинные волосы с приятной рыжиной. Не волосы, а лисий хвост, звучало обычно ей вслед. Высокие скулы, глаза с восточной раскосостью. Маленький аккуратный ротик. И манеры...

Эти вот манеры ее обычно все и портили, доставляя множество хлопот.

– Как ты не поймешь!.. – возмущался обычно Антон Матвеев. – Ну не могут люди принимать твою обходительность и природный такт за чистую монету с первой минуты знакомства. И улыбка эта... Вот скажи, зачем ты всегда улыбаешься?! Зачем?! Даже малознакомым людям!.. Улыбочка-то выходит у тебя совершенно лисья, хитрая, одним словом! Это и настораживает...

Алиса пробовала не улыбаться, когда к ней обращались. Ничего не выходило. Губы упорно расплзались в стороны, и наружу выскакивало что-нибудь эдакое:

– Да, да, я слушаю вас!.. Конечно, я буду рада вам помочь!.. Непременно!.. О, это очень удачная мысль!.. Конечно, получится...

Поверить в искренность такого поведения окружающие не могли. Логика была проста. Если такая колоритная красавица вдруг столь вежлива, отзывчива и мила, значит, все не так просто. Значит, ей что-то непременно от вас понадобится в будущем. Или, улыбаясь вам открыто и бесхитростно, девочка ведет какую-то свою игру. Интриганка, одним словом...

Самое странное и страшное заключалось в том, что такое впечатление девушка производила на всех, включая потенциальных работодателей. Поэтому уже которую неделю и обивала безрезультатно Алиса пороги в поисках работы.

– Нечего было торопиться с увольнением, – ворчал Антон. – Сидела бы и сидела за пультом, чего тебя вдруг понесло.

– Так сколько можно сидеть за этим пультом в ожидании зарплаты, Антоша! Месяц не успел начаться, квитанции за коммунальные услуги уже на месте! Цены ползут, будто на дрожжах. Скоро лето, а у меня надеть нечего! Просто выхода никакого нет!

– У женщин всегда нечего надеть, – философски замечал Матвеев, тут же складывая губы в ехидную ухмылку. – А что касается выхода, то у тебя он имеется! Я устал ждать ответа на свое предложение, Соловьева! Выходи за меня замуж, и все твои проблемы сразу станут моими. А как только они станут моими, то их не будет вовсе... Ах, прости! Я совсем забыл, ты все ждешь кого-то. Мечтаешь подарить себя одному-единственному... Все! Вопрос снят...

Спорить с Матвеевым Алиса опасалась. Тот всегда и во всем оказывался прав. Это ее и настораживало. Как вот ее красота отпугивала мужчин, так и Антошина правильность отпугивала Алису.

К примеру, собралась она раз в жизни на море. Родители дали ей денег на путевку и пополнение гардероба. Алиса обрадовалась. Целых две недели штурмовала магазины и рынки, что-то примеряла, покупала, складывала в новенький дорожный саквояж. На беду зашел к ней в гости Матвеев. Застал ее за сборами, тут же надулся, принялся ворчать, потом отговаривать, а под конец и вовсе:

– Чем тратить такие средства на пустое времяпрепровождение, лучше бы телевизор новый купила, этот совершенно не показывает. Или диван, например. Что у тебя за диван, Соловьева?! Разве это диван? Это памятник гобеленовым монстрам конца семидесятых! Да и деньги на отдых потратишь зря. – На ее недоуменный вопрос Антон тут же нашел ответ: – А там ураган случится не позже конца следующей недели. Страшный ураган, по интернетовским прогнозам.

– Ну и что! – все еще пыталась Алиса сопротивляться, хотя кривая ее настроения под давлением таких неоспоримых доводов резко ползла вниз. – Подумаешь! Ураган! Я же в санатории буду жить, не на пляже...

– И что! А вдруг этот ураган неожиданно случится. А ты в этот момент как раз в душевой кабинке будешь переодеваться! Спасет тебя тонкая фанерка, как думаешь?!

На море она тогда не поехала, отложила свой отъезд на пару недель. И ураган в это отложенное время, как на грех, случился. И ураган, и шторм даже, к несчастью, унесший жизни нескольких неосторожных отдыхающих. Могла ли она потом противиться натиску Матвеева, который с утра до ночи названивал ей и предрекал скорую гибель в морской пучине? Нет, конечно. Никуда она не поехала. Купила себе новый телевизор. Родители, узнав о ее решении и испугавшись случившихся природных катаклизмов, на радостях прислали еще денег. И Алиса приобрела еще и диван.

Антоша Матвеев остался доволен. Алиса нет. То, что он, как всегда, оказался прав, ее просто ошеломило. А то, что пришлось вопреки своей воле пойти у него на поводу, то бишь купить телевизор с диваном, надолго вывело ее из душевного равновесия. Результатом этого явилась полная блокада их встреч и телефонных переговоров.

Матвеев не настаивал. Не звонил, не приезжал, не искал встреч, а вместо этого однажды год спустя... познакомил ее со своей девушкой. Случайной ту встречу вряд ли можно было назвать, поскольку эта парочка прогуливалась неподалеку от предприятия, на котором работала Алиса. Причем прогуливалась в совершенно неприемлемое для прогулок время – в восемь часов утра. В тот момент Алиса как раз сменилась и вышла на улицу из офиса, как тут эти двое.

– Аля! Аля-а-а! Эй!.. Привет, дорогая! – Матвеев отчаянно жестикулировал ей с противоположной стороны улицы, придерживая за талию высокую брюнетку с пышной грудью.

Грудь была настолько пышной, что ее было видно даже со ступенек офиса. К тому же, учитывая время года или желание поклонника, при ближайшем рассмотрении та оказалась практически не прикрыта одеждой. Алиса смогла даже рассмотреть темно-коричневую кромку левого соска девушки.

– Познакомься, это Ванда! – счастливо оповестил ее несостоявшийся нареченный и ткнулся губами в ложбинку меж пышных грудей своей спутницы. – Ты с работы?

Вопрос прозвучал совершенно по-идиотски. Их присутствие возле ее офиса в такое время выглядело еще более идиотским. К тому же Алисе выпало не самое спокойное дежурство этой ночью, она пребывала в легком раздражении, хотела поскорее добраться до дома, принять душ, завалиться в кровать и проспаться до самого вечера. И тут нате вам – Матвеев с какой-то непонятной Вандой.

– Да, Антоша, я с работы, – пропела Алиса и лучезарно улыбнулась, ну привычка у нее была такая, что делать. – А вы, стало быть, с прогулки или только на прогулку? Что-то вам не спится?

Девушка Матвеева мгновенно приняла стойку и прошептала достаточно громко:

– Че она крысится, Тоша? Пошли отсюда!

Матвеев тут же повторил свой оральный заход в область груди Ванды. Кисло улыбнулся Алисе и, подхватив спутницу под руку, куда-то ее поволок. А менее чем через час нарисовался у Алисы дома.

Она только успела выбраться из душа, вымазаться освежающим косметическим молочком и расчесать волосы, как прозвучал звонок в дверь.

– Я устал, Соловьева! – пожаловался Антон, вваливаясь к ней без приглашения. – Я так устал от этой сраной жизни! От того, что не могу ничего в ней поменять! От твоего тупого упрямства устал! И от таких вот глупых телок тоже!!! Тебе меня разве не жалко, Аля?!

– Ну... почему?.. Наверное, ты заслуживаешь жалости... – начала она осторожно и попятилась, всей одежды на ней было – огромное банное полотенце. – От меня-то ты чего хочешь, Матвеев? Мне кажется, что мы с тобой уже все выяснили и все решили...

– Это ты решила, Соловьева, не я! – Антон больно ткнул ей пальцем в плечо, уточняя, кто именно принимал решение за них обоих. – Я любил, люблю и буду любить только тебя!!! Единственная женщина, на которой я хотел и хочу жениться, – это ты! Почему я должен тратить свое время на таких идиотов, как эта Ванда?

– Действительно, почему? – пробормотала она, продолжая пятиться.

Алисе было очень неловко от его близкого присутствия. От того, что она была не одета, полотенце еле-еле сходилось на груди, а та совсем немногим уступала пышному бюсту Ванды.

К тому же Матвеев был так рядом, и еще он был совершенно расстроенным и плохо себя контролировал. Позволял себе, к примеру, смотреть на нее совершенно непозволительно. Жадно так, не прячась за обычной своей дистанционной вежливостью. И еще... Еще от него просто пыхало странной необузданностью, огнем каким-то непонятным, и это ее незнакомо обжигало и пугало одновременно.

– Я отвечу! Я отвечу тебе почему! – не снижая оборотов, воскликнул Матвеев, снова сокращая расстояние между ними до неприличного минимума.

Точнее, он припер ее к стенке, плотно прижавшись своим животом к ее. И принялся дышать ей в шею судорожно и жарко.

– Антон! Прекрати немедленно!

Не то чтобы она испугалась, нет. Просто ново все это было для нее. Ново и будоражаще.

Она почти голая. Антон, огромный и неуправляемый, так тесно к ней прижимался, что она чувствовала всего его. Всего, включая запретное!

Именно это ее настораживало и отпугивало и именно это могло вылиться во что-то совершенно непозволительное. А она... Она просто не хотела торопиться, только и всего. И когда он с силой сдернул с нее полотенце и, подхватив на руки, потащил в спальню, Алиса повела себя совершенно не по-взрослому. Она принялась брыкаться и орать что есть мочи.

– Отпусти меня немедленно, придурок!!! Слышишь меня!!! Отпусти, или я сейчас дам тебе в морду!!!

Матвеев не отпускал. Он почти бегом преодолел препятствие в два ее крохотных коридорчика, ногой отбросил дверь спальни, швырнул Алису на кровать и упал рядом, тут же подмяв ее под себя.

– Нет!!! – верещала Алиса, тщетно пытаясь из-под него выбраться. – Нет, слышишь!!! Антон, отпусти меня немедленно!!!

Антон не слушал и не слушался. Он что-то такое вытворял своими губами с ее кожей, отчего ей было почти больно, потому что жгло непереносимо. Может, он ее кусал тогда?! Может...

Она, ничего уже не понимая, продолжала пинаться, кусаться и ругаться. Внезапно она почувствовала, что между ними больше нет преграды из его джинсов и рубашки. И с ужасом представила, что все вот-вот произойдет, через какую-то секунду, другую. И тогда...

– Я!.. Я тебя ненавижу, Матвеев!!! – прокричала она ему прямо в ухо и неожиданно даже для самой себя расплакалась. – Я ненавижу тебя, гад!!!

Он тут же затих, прекратив ее щупать, гладить, целовать. Прежний пыл выдавало лишь его необузданное дыхание, со свистом вырывающееся из легких. Потом Антон перевалился на бок, встал и, не стесняясь собственной наготы, прошелся по ее спальне.

– Оденься немедленно! – заверещала Алиса, отводя от него взгляд и прикрываясь покрывалом. – Что ты тут устроил?! Что ты себе вообще позволяешь?! Оденься и уходи немедленно!!!

Антон, казалось, ее не слышал. Стал к ней спиной у окна и, скрестив руки на голом торсе, о чем-то напряженно думал. Потом буркнул что-то себе под нос совершенно неразличимое и только тогда уже принялся одеваться.

– Вот, оказывается, в чем дело, Соловьева! – протянул он со злой ухмылкой, когда застегивал последнюю пуговицу на своей рубашке. – А я-то, дурак, все думал, думал столько лет... Что, думаю, за причина?.. Оказывается, все дело в ненависти... Лихо! Лихо у тебя получается...

– Что? – Идиотская улыбка чуть тронула ее губы.

– Вот это все! – Антон обвел пальцами контур своего лица. – Прятать свои истинные чувства за ангельским фасадом... Улыбаться, казаться приветливой, не отказывать мне в дружбе, а на самом деле... Как ты могла столько времени притворяться, не пойму! Как могла, ненавидя меня, со мной общаться?! Гулять, проводить иногда время... Логично предположить, что тебя воротило в то самое время, когда я заказывал для тебя кофе, скажем...

– Антон! Антон, замолчи! – взмолилась Алиса, снова с ужасом признавая его правоту. – Все не так! Не так, и ты это знаешь!

– А как?! Как не так, Аля?! Ты только что сказала мне это! – Он потыкал указательным пальцем в сторону развороченной постели. – Ты сказала мне, что ненавидишь меня! Этого мало?!

– Я совсем не это имела в виду... Я... я хотела сказать, что ты не можешь... Ты не должен был этого делать!.. Это насилие! Я... я не могу так, пойми! – Ей снова захотелось плакать от жалости к самой себе и к нему, непутевому.

Ну, почему все именно так должно было случиться и завершиться? Почему? Она же понимала, что эта их встреча может оказаться последней. Что Матвеев просто-напросто не захочет ее больше видеть и не простит этих слов. А ей не хотелось совершенно терять Антона! Не хотелось терять друга.

Он же незаменим был в роли друга, просто незаменим...

– А как ты можешь?! Как?! Ты скажи! Намекни только! Я же пойму! Я совсем не тупой!!! – закричал он, снова бросился к ней и, ухватив за плечи, опять прижал к себе. – Я люблю тебя, Соловьева! Я так люблю тебя... И забыть пытаюсь, и сплю с кем попало, все бесполезно, понимаешь!!! Если хочешь... Если хочешь, я подожду. Я буду ждать, сколько ты скажешь, Алечка! Милая моя... Господи, ну за что мне такое наказание!..

Она сжалась вся от его боли, которую ощущала почти физически, и от близости его тоже. Он снова оказался рядом. Снова трогал ее и целовал. А ей опять сделалось страшно и неприятно.

– Антон, Антон, не нужно! – Она вывернулась и отползла к стенке. – Не дави на меня! И не пытайся ускорить ход событий таким вот способом! И вообще... вообще... вообще я еще девушка, вот!

– Что ты?! Ты?! Девушка?! Соловьева... Ты это ври, да не завирайся! – Кажется, он ей не поверил. Во всяком случае, смотрел на нее совершенно как на ископаемое. – Тебя же в институте только ленивый не провожал. Там же каждый был в тебя влюблен, кажется. И ты хочешь сказать, что... Нет! Нет, я не верю! Ты нарочно меня обманываешь! Ты просто ищешь оправдание собственной грубости и поэтому...

– Тем не менее, это так.

Алиса закусила губу от досады. Никогда бы она не могла представить, что ее достоинство – так она оценивала собственную непорочность – будет воспринято Матвеевым как нечто, выходящее за пределы понимания.

Ну, не спала она ни с кем, и что?! Не хотела, боялась, не желала...

Да сотня причин каждый раз находилась, чтобы отказать, оттолкнуть, прогнать в самый последний момент.

– А чего это вдруг, Соловьева? – Антон подозрительно прищурился. – Ты не лесбиянка случайно? Так ты скажи, а то, может, я зря надеюсь.

– Случайно нет! – Алиса даже покраснела от такого подозрения. А потом воскликнула запальчиво: – Может, я себя для мужа берегу! И что здесь такого?! Мне не нужен никакой сексуальный опыт, я хочу все познать только с ним! И нечего скалиться, Матвеев, понял!!!

Верила ли она сама в то, что говорила? Верила, наверное. Во всяком случае, так она решила для самой себя еще в институте, когда общежитская вольная жизнь накрыла всех знакомых девчонок и те принялись направо и налево дарить себя кому ни попадя.

У нее все будет не так! Все будет по-другому! Она не хочет с Сашей, Вовой, Витей, Колей просто потому, что так принято в лихом студенчестве. И просто потому, что у них сегодня вечеринка и она непременно должна с кем-то остаться после того, как закончатся танцы. Случайный секс для накопления опыта был ей противен. Другого за минувшие годы Алисе не предлагали. Кроме Матвеева, конечно. Но он только теперь стал так настойчив. Прежде же никогда себе ничего такого не позволял...

– Ладно. – Антон поднялся с ее кровати, попытался задернуть развороченные простыни покрывалом, но лишь обнажил ей ноги, от чего Алиса снова заволновалась. – Будем считать, что ты мне ничего не говорила, в плане оскорблений, а я ничего не слышал и не делал. Извини, конечно, что обезумел, но обстоятельства непреодолимой силы, сама понимаешь...

Алиса не понимала, хотя и догадывалась. Ограничилась молчаливым кивком, вроде соглашаясь, и коротко попросила, когда Антон выходил из спальни:

– Антон, ты дверь захлопни входную, ладно?

Он в ответ также молча кивнул, потом громко захлопнул за собой дверь. И вот как будто вместе с дверью закрыл все в их отношениях. В смысле – все темы. Никогда после этого Алиса не подвергалась нападениям Матвеева, она ведь именно так классифицировала его утреннюю выходку. Никогда не услышала от него ни намек на то, что он чувствует, или страдает, или скучает, к примеру. Ничего ровным счетом не происходило! Ничего...

Но это, правда, только в ее жизни. У Матвеева-то она продолжала бить ключом.

Он оставил государственную службу, влез в какой-то сомнительный бизнес, покрутился там немного, поднаторел, оброс связями и средствами и затеял свое собственное дело.

Дело, вопреки прогнозам их общих знакомых, покиснув немного на кредитах, неожиданно полезло в гору, причем стремительно. Матвеев обзавелся новенькой квартиркой в центре, потрясающей машиной, начал разбираться в пиджаках и галстуках. Их у него развелось великое множество. Ну а вместе с этим добром у него появилось великое множество девиц. Уж по каким параметрам Антон их выбирал, Алиса затруднялась ответить. То ли под галстук,

то ли под пиджак с рубашкой, то ли вообще к ботинкам примеривал. Но девицы всякий раз оказывались совершенно разными. Каждая последующая была полной противоположностью предыдущей. Алисе иногда казалось, что Антон сам давно запутался в своих девицах и не помнит, как какую зовут.

Но с советами не лезла, дабы не ворошить, не давить, не делать больно. Молча и кротко наблюдала со стороны, порой чувствуя досаду на него, а иногда и на себя. Чего уж тут душой кривить, злилась, злилась на себя, и еще как!

Не была бы столь принципиальна и щепетильна в вопросах выбора партнера, давно бы уже вышла за Матвеева замуж. Нарожала бы ему детей и жила бы безбедно за его широченными плечами и за солидной вывеской на его двухэтажном офисе.

Но нет! Нельзя теперь. Ладно. Время, когда Матвеев был никем и любил ее, и добивался, безвозвратно упущено. Теперь Антон если и продолжал любить ее, то старательно об этом умалчивал. Добиваться ее он тоже перестал, так намекнет раз-другой, да и то в контексте какого-нибудь саркастического выпада. Как вот тогда, когда она отчаялась найти себе подходящую работу. И все! Больше ни слова о том, что он все еще мечтает отвести ее к алтарю.

Не могла же она сама сказать ему, что, несколько лет поразмыслив, пришла, наконец, к выводу, что он – Антон Матвеев – как раз и есть тот самый единственный и неповторимый, с которым бы она и которому бы она...

Раньше надо было говорить, когда Антон был нищ и гол! Теперь поздно. Теперь он богат, во всяком случае в ее понимании. Богат, самоуверен и жениться, кажется, и вовсе раздумал.

Алиса с тоской посмотрела на хмурое небо, провисшее серым лоскутом. Того и гляди дождь начнется, а она без зонта и, полдня проблуждав в поисках работы, так ни с чем и возвращается домой.

Может быть, действительно стоило воспользоваться советом Матвеева и запустить свое резюме в сеть? Глядишь, кто-нибудь и клюнет. Сколько можно впустую таскаться по городу и обивать пороги всяких сомнительных контор?! Последние туфли на этих самых ступеньках можно оставить. Набойки уже ни к черту, а это минус пара сотен, если в ремонт сдавать.

Первая капля дождя упала рядом с носками ее туфель, заставив слежавшуюся на обочине пыль судорожно сжаться. Тут же следом опустилась вторая, затем третья, и через мгновение дождь бодро защелкал по бордюру, забрызгав ноги Алисы почти по щиколотку. Надо было срочно спасаться бегством, срочно. Иначе нечего было и думать продолжать поиски работы. Волосы свалются, тушь потечет, юбка промокнет, что уж говорить о тонкой блузке. Вымокнув, так облепит ее формы, выставив на обозрение почти прозрачный лифчик и пупок. Станут с ней разговаривать в таком виде, если к тому же начальником окажется женщина.

Алиса, покрутив головой по сторонам, тут же припустила в кофейню со сладким названием «Ванильная». Цены здесь, по слухам, были заоблачные, но она ничего такого заказывать и не собиралась. Просто переждет дождь, выпьет крохотную чашечку кофе, полистает газеты, может, найдет еще полезное объявление.

В кофейне действительно пахло ванилью. Запахом этим пропиталось, кажется, все вокруг. И хрустящие кружевные скатерти на столиках, и салфетки, закрученные в тугой свиток, и молоденькие официантки, снующие по залу в розовых коротких платьицах с белоснежными наколками.

Алиса опасливо ступила на сверкающий паркет и тут же виновато глянула на забрызганные туфли. Наследит ведь...

Потом, быстро оглядевшись и убедившись, что на ее обувь никто здесь не обращает внимания, скорыми шажками прошла в самый дальний угол за столик возле огромного овального окна, задрапированного нежно-розовой тафтой. Уселась, снова быстро глянула по сторонам и лишь после этого взяла в руки меню. Раскрыла, прочла и едва не задохнулась от испуга и возмущения. Нет, она, конечно же, понимала, что комфорт, обслуживание и качество пригото-

ленно стоят денег, но ведь не таких же! Где же это видано, чтобы крохотная чашечка кофе стоила столько же, за сколько она покупает в супермаркете целую банку! Даже удивительно, что данное заведение до сих пор не разорилось, накрутив такие цены.

Не разорилось, как ни странно. Даже более того, минут через пять в кофейне набилось столько народу, что к ней за столик попросилась молодая женщина.

– Это мое обычное место, знаете, – со смущенной улыбкой объяснила незнакомка, отодвигая легкий стул с витой спинкой. – Я бы села куда-нибудь еще вопреки обычаю, но видите, что здесь творится! Дождь...

Алиса никогда и ни за что не была бы против, не окажись женщина такой красавицей да еще при таких деньгах. Не успев занять место напротив нее, дама тут же принялась заказывать. И кофе, и пирожные, и мороженое, и фрукты...

В тысячу ни за что не уложится, решила Алиса. С тоской глянула на свою чашечку с недопитыми кофейными каплями и тут же поспешила уткнуться в газеты, разложенные перед ней веером. Правда, часть потом пришлось переключивать на коленки, слишком уж много места заняло то, что заказала себе ее соседка.

– Интересное что-то пишут? – вдруг задала вопрос молодая женщина, выдвинув подбородок вперед и глянув на газету, тут же сморщилась пренебрежительно, пробормотав: – Не люблю прессу! Болтовня одна и пустое времяпрепровождение!.. Вы не составите мне компанию?

Алиса растерянно глянула на нее.

Угощаться за чужой счет она не любила, тем более угощаться за счет совершенно незнакомого человека. Поэтому Алиса вежливо улыбнулась и пробормотала:

– Извините, но мне, кажется, уже пора.

– Да бросьте, милая девушка! Бросьте стесняться! И куда это вам пора, посмотрите, что за окном творится!

Дождь и в самом деле не прекращался, методично отщелкивая по стеклу звонкой капелью. Ближайшая к кофейне автобусная остановка была переполнена. Люди жались друг к другу, пытаясь спрятаться под навесом. Нечего и пробовать прибиться к ним, вакансий не было. На такси после этой крохотной чашечки кофе денег не хватило бы. До дома далеко. А тут, как на грех, на глаза попало весьма затейливое предложение о работе с частичной занятостью и весьма солидным заработком. Стоило попробовать бы, а тут такое светопредставление.

– Мне все равно одной всего этого не съесть! Ну же, не будьте такой занудой... А, может, у вас аллергия на сладкое и...

– Да нет у меня никакой аллергии. Денег у меня просто нет, вот поэтому и... – Что поэтому «и», Алиса не знала, заводить разговор о том, что не любит и никогда не любила «халаву», ей не хотелось. – Вы меня простите, бога ради, я, наверное, пойду.

– Да куда вы не пойдете! – кажется, всерьез рассердилась ее соседка по столику. – Зря, что ли, я все это заказывала?! Думала, посидим в приятной обстановке, поболтаем. Я, знаете ли, люблю болтать с незнакомыми мне людьми. Поговорил и забыл. А знакомые тут же все это в сплетню переведут, переиначат, бр-р-р... Одним словом, сегодня вы мой духовный отец. Или мать? Ну, да это неважно! Кстати, вот вы сказали только что, будто бы у вас нет денег и все такое... А что так? Муж не дает на карманные расходы?

– Так и мужа нет. – Алиса кисло улыбнулась незнакомке, та ей понравилась, если честно: открытая, непринужденная, без комплексов совершенно и такая красавица, глаз не отвести.

– У вас?! Нет мужа?! Да ладно! – Незнакомка откинулась на витую спинку и глянула на Алису со смесью неверия и жалости. – Чтобы у такой красавицы и до сих пор не было мужа... Вам ведь нет еще и двадцати пяти, так?

– Двадцать три, – уточнила Алиса, с благодарностью приняла из рук собеседницы блюдце с пирожным и тут же вонзила в него крохотную чайную ложечку. – Двадцать три исполнилось недавно. Так что у меня все еще впереди.

– А вот это вы зря, милая. Эта самоуверенность красивых женщин... Ох, как часто она их подводит! Как часто оставляет в одиночестве в самый неподходящий момент, – задумчиво пробормотала соседка по столику, принимаясь за мороженое, успевшее чуть подтаять.

– Это в который? – вежливо поинтересовалась Алиса, хотя оторваться от пирожного сил стоило великих, до того оно было великолепно. – В который момент, что самый неподходящий?

– Это в тот самый, когда красота увядает, в какой же еще! Грудь обвисает, по утрам вокруг глаз темные круги, живот не так мягок и упруг, а тут еще целлюлит, о котором наши бабушки и представления не имели. Знаете, иногда я завидую им! Насколько же легче им жилось тогда!.. – Она чуть помолчала, потом отхлебнула кофе и проговорила с улыбкой, глядя поверх чашечки на притихшую Алису. – Вы очень красивая, знаете? Так вот и пользуйтесь! Тратьте то, что даровал вам господь, а не пересыпайте нафталином, пряча в сундук. Выходите замуж, черт побери!

– Да за кого? За кого? – заразившись ее жизнелюбием, Алиса невольно рассмеялась.

– Да за кого угодно! Выходите, главное! Не получится, разведетесь и еще раз сходите! – Тут уж и незнакомка принялась смеяться. – Чем сидеть в ожидании принца... Его же надо искать! А это не так просто! Он же – принц настоящий – не станет тыкать в себя пальцем и заявлять, что он принц и что в гараже у него белый конь имеется. Он будет скромно молчать до поры до времени, а догадаться очень сложно. Вот и надо...

– Бесконечно выходить замуж? – подсказала Алиса, потому что ее собеседница неожиданно умолкла, уставившись на газету, которая лежала теперь на самом краешке стола.

– Бесконечно не нужно, – пробормотала та рассеянно и потянула газету к себе. – А вот парочку раз сходить никогда не вредно... Пойдите, а вы что здесь пытались вычитать? Объявления о найме?! О, господи! Вы ищете работу?! Кстати, как вас зовут, милая?

Алиса назвалась тихонечко, недоумевая про себя. Если ей не изменяли зрение и природная наблюдательность, то разницы между ними – самое большое лет десять, но дама вела себя так покровительственно, будто ей далеко за полтинник. Может, наличие денег в ее дорогом кошельке этому способствовало. Или... Или так было принято в ее кругах: говорить покровительственно с теми, кто ниже по статусу?

Алиса тут же представила себя на ее месте.

Вот она, к примеру, жена Антона Матвеева. Выходит из дорогого автомобиля, закидывает на левое плечо дорогое манто и идет, не глядя под ноги. Входит, садится возле окна и, красиво щелкнув пальцами, подзывает официантку. Она должна будет ей непременно сказать «милочка» или что-то в этом роде. И глянуть так – свысока, хотя и сидеть будет за низким столиком. Глянуть так, чтобы девушке непременно захотелось нагнуться и поймать ее взгляд...

Ни черта не получалось, вот беда! Не получалось ни взгляда такого, ни появления эффектного, все смазывала ее идиотская лисья улыбка. И как, простите, она сможет поглядывать на народ свысока, если она весь этот народ любит!..

– Алиса... Алиса... Красивое имя, милое, очень вам подходит. Может, за знакомство по такому случаю, а, Алиса? Я в смысле, выпьем? – Инга, так собеседница представилась Соловьевой, перегнувшись через стол и, стрельнув глазами по сторонам, прошептала: – Дернем по капельке ради такого случая, а?

– Ой, я не могу! – испугалась сразу Алиса, скоротечного панибратства с выпивкой и последующего отдыха за городом она тоже побаивалась, не любила стремительности в отношениях, может, потому до сих пор и одна...

– Это почему? – Инга искренне удивилась, выпрямляя узкую спину и складывая руки под высокой грудью. – Что вас останавливает? Вы за рулем?

– Нет, что вы! У меня и машины-то нет!

– Ни мужа, ни машины, ни работы, ни денег! – начала перечислять новая знакомая, загибая красивые пальцы на правой руке. – А она пить отказывается! Тебе запить на неделю положено при таком раскладе... Ничего, что я так вдруг сразу на «ты»?

– Все в порядке, – промямлила неохотно Алиса, уже жалея, что зашла в эту кофейню, люди здесь безделье коротают, а ей еще бегать и бегать. – Просто я на сегодня наметила нанести еще один визит.

– Кому, если не секрет?

– Не секрет. Вот по этому адресу. – Она пододвинулась к Инге поближе, отыскала прочитанное ею объявление и подчеркнула его острым ногтем. – Вроде заманчивое предложение. Частичная занятость, приличный заработок и все такое...

– И все такое! – передразнила ее Инга и глянула на нее почти с материнской жалостью. – Представляешь, в чем будет заключаться твоя частичная занятость?!

– Нет пока...

– Вот именно, что пока! Потом поздно будет, когда контракт подпишешь... Вот что мы с тобой сделаем... – Инга тут же без лишних слов полезла в свою сумочку, извлекла оттуда мобильник размером с зажигалку и, ткнув пальцем в одну из кнопок, пропела спустя мгновение: – Привет, мой сладкий! Ага... Так точно! Догуливаю законный отпуск... Нет, не скучаю... В компании, а как же иначе!.. Тебе бы тоже понравилось, уверяю... Да, кстати, ты там разобрался со своей помощницей, нет? Ну... Ну! Да то и пристала, что я тебе ее, кажется, нашла! Где? В Караганде! Сидит в кофейне напротив меня и смотрит на меня лисьими глазищами. Да нет, не из зоопарка, издеваешься?! Просто на лисичку она похожа... Угу!.. Знаю, знаю я твой вкус, потому и звоню...

Разговор Инга свернула неожиданно, звучно почмокав прямо в трубку, это она так своего сладкого целовала на прощание. Убрала телефон обратно в сумку. Уложила затем локти на стол, посмотрела на Алису долго и требовательно и проговорила наконец:

– Ну что?!

– Что?

– А то! С тебя теперь причитается, милая, стопроцентно! Я только что устроила тебя на работу помощницей по работе с документами! К своему мужу, между прочим! Мужик, скажу я тебе, обалденный! От него там половина баб в офисе млеет, но ему-то никого, кроме меня, не надо. Так что не вздумай влюбиться! Поняла? Обещаешь?!

В этот момент Алиса была готова обещать Инге все, что угодно. А уж это тем более! Да к чему ей чужой муж?! Зачем он ей?! Ей и собственного недосуг заводить, а уж с чужим валандаться. Да и непорядочно это, если не сказать конкретнее, по отношению к Инге. Она так участлива...

– Обещаю! – твердо выговорила она и пожала протянутую Ингой руку. – Обещаю, Инга. Как я вам благодарна! Даже не знаю, что я смогу для вас сделать, чтобы отблагодарить.

– Как-нибудь сочтемся, – загадочно обронила Инга, подзывая официантку. – А сейчас мне пора. Вот визитка. На ней адрес. Приходи в понедельник к девяти утра, пропуск на тебя будет у охранника. Все! Пока, пока...

Глава 2

Что надеть в первый рабочий день на новое рабочее место в сорокаградусную жару?!

Этим вопросом Алиса промучалась все выходные, перебирая свой нехитрый гардероб. Путного ничего не находилось. Нет, у нее было платье. Вполне приличное. И длина по колено, и никакого декольте, и ткань легкая, но в том-то и дело, что легкая. Платье неприлично просвечивалось, рассмотреть контур ее ног и того, что было выше, не составляло особого труда. Для этого ее даже не надо было на свет выставлять.

Платье Алиса забрала, задвинув его вместе с вешалкой в дальний угол шкафа. Летний костюм занял соседнее место, потому как блузка застегивалась всего на две пуговицы, открывая как верхнюю часть груди, так и пупок. Сарафан обнажал спину. В футболке идти неприлично. В черных брюках жарко. Белых не было. Обе юбки, что покупались к несостоявшемуся отдыху на море, неприлично коротки.

Что делать, Алиса не представляла. Ну, просто хоть плачь или от места отказывайся. И пришлось сделать то, что делать она зареклась давно и безуспешно, как оказалось.

Она позвонила Антону Матвееву.

Удивительно, но тот оказался дома.

– Я слушаю тебя, слушаю! – произнес тот, как ей показалось, рассеянно и кому-то что-то прошептал; ясно, что был не один. – Что ты хочешь от меня, Соловьева?

– Дружеского совета, – выдохнула Алиса, ненавидя себя за малодушие, зареклась же звонить ему.

– И?! Какого рода совет тебе нужен? – нетерпеливо произнес Антон, выслушал ее, беспрестанно чем-то шурша, и закончил ее заунывный монолог: – И теперь тебе нечего надеть, как, впрочем, всегда. А впечатление произвести очень уж хочется. Но впечатление такое, чтобы не пугать людей прямо с порога. Я угадал?

– Ага! Ты же всегда прав, Матвеев! – Алиса кисло улыбнулась, радуясь изо всех сил тому, что он ее не видит сейчас: настолько жалкой и беспомощной она себе казалась. – Платье все просвечивается, юбки непозволительно коротки, единственная блузка...

– Я помню эту блузку, Аля, – прервал ее Матвеев с ласковой угрозой в голосе. – Ну а от меня ты чего хочешь? Я так и не понял?! Чтобы я все сейчас бросил и провез тебя по городским бутикам? Или, постой, угадаю... Чтобы я одолжил тебе свою кредитку, а проехаться по бутикам ты легко сможешь и без меня. Так?

– Я просто хотела взять у тебя немного денег в долг! Нечего разыгрывать из себя страдальца, Матвеев! Я же верну тебе! Всегда возвращала и теперь... – Она разозлилась на него и за тон его непозволительный, и за непозволительную проницательность.

Как всегда! Все как всегда!..

– Дело не в деньгах, Соловьева, – тихо возмутился Матвеев и даже, кажется, прикрыл трубку ладонью; точно ведь у него кто-то был.

– А в чем?! Волнуешься за мою будущую кредитоспособность?! – Ей захотелось расплатиться от бессилия и от того еще, что приходилось перед ним унижаться.

Конечно, она могла бы попросить и у знакомых, но кто столько даст?! И кто согласится ждать так долго, как Матвеев?!

– Ты, блин, не посоветовалась со мной, когда устраивалась куда-то там! – завопил в трубку Антон свистящим шепотом, и как горло не надорвал в таком надсадном сипе, не понятно. – Не обратилась ко мне за советом! Мало ли что там может быть!.. Что за фирма?! Может, рога и копыта... Может...

– Короче! – закрычала на него Алиса, не выдержав его гнева. – Дашь денег или нет?!

– Если да, то что? – нисколько не убавляя накала, принялся допытываться Антон. – А если, нет, то что?!

– Если да, то я подъеду минут через десять. А если нет... Тогда...

– Тогда иди к черту! Я угадал?!

– Как всегда. – Алиса удивленно дернула подбородком; он снова оказался прав, именно это она и собиралась сказать ему через секунду. – Так что?!

– Приезжай! – заорал тогда на нее Антон в полный голос, забыв о конспирации. – Приезжай, только одежду для тебя буду выбирать я сам!

– И на том спасибо. – Алиса невольно улыбнулась.

Может, он и не успел ее еще разлюбить, а?! Может, перебирает девчонок, ищет кого-то похожего, пытается сравнивать, забыть, а в глубине души по-прежнему болен только ею? Хорошо бы...

Честно, она теперь так думала. Только так, и никак иначе. Сказать вот только не могла, он же сразу ее в алчности уличать начнет или еще в чем похуже.

Собралась Алиса минут за пять. Натянула джинсовые шорты чуть выше колена. Надела ту самую кофточку, что на двух пуговицах. Закрутила волосы повыше, чтобы не было так жарко. На ноги легкие шлепанцы – и на остановку.

Транспорт, словно по ее заказу, был подан без промедления. Десять минут в дороге до центра. Потом пятиминутное препирательство с консьержкой в матвеевском подъезде, и потом...

А она ведь волновалась, нажимая на кнопку его звонка. Причем волновалась так, что даже во рту пересохло и сердце принялось колотиться о ребра, намереваясь вырваться наружу.

Он ведь не один был! Точно не один. Не просто же так понижал голос до шепота. Никогда так со своими подружками не церемонился, разговаривая с ней по телефону. Может быть, на этот раз у него все по-другому? Может, теперь у него все серьезно, и...

– Добрый день, Алиса, входите. – На пороге квартиры Матвеева стоял совершеннейший ангел и взирал на нее самыми прекрасными на свете голубыми глазами, причем по-ангельски взирал, без издевок, ревности или нахальства. – Входите, Антон сейчас выйдет к вам.

Так ей и надо!!! Так и надо, дуре!!! Что, думала Матвеев будет до гробовой доски по ней сохнуть и не посмеет никогда и ни в кого влюбиться?!

Как бы не так! Жизнь-то не стоит на месте, вот и Матвеев не устоял. Да и попробовал бы кто устоять против такого совершенства! Совершенство внешности, стиля, поведения...

Без истерик, без нервозности, совершенно спокойно: «Добрый день, Алиса...» Она бы смогла так? Как сказать! Сейчас вот расписывалась и Матвеева готова растерзать.

Вот только появится, гад! Только выйдет к ним в гостиную, где они пытались вести непринужденную беседу, принужденно улыбаясь друг другу. Она ему такого устроит... Она ему... Она не возьмет его денег, вот! Не возьмет и гордо удалится... Так она и сделает.

Не сделала. Сидела, как последняя дура, вжавшись в его великолепный диван, и с тоской душевной наблюдала за тем, как Матвеев распускает хвост перед Ангелиной.

Ангелиной ее звали, Алиса не ошиблась, сравнив девушку с ангелом. Даже имя у нее оказалось ангельским.

– Все в порядке, детка? – Это он когда из душа вернулся, весь пахучий, свеженький, гладко выбритый. – Не скучали тут без меня?

На Алису он из вредности не смотрел. Это она так решила, потому что, реши она по-другому, ей совершенно расхотелось бы жить.

– Тебя отвезти, малышка? – это Матвеев пропел, успев вставить запонки в прорехи манжет на рубашке.

Малышка от его услуг отказалась и вообще вела себя как-то стесненно. От поцелуев его навязчивых уклонялась, морщилась чему-то беспрестанно.

Может, они блефуют и нет у них никакого романа, с надеждой подумалось Алисе. Матвеев, он же такой авантюрист, что ждать от него можно было всего, чего угодно. И он запросто мог разыграть любовную сцену на ее глазах лишь для того, чтобы она побесилась и поревновала.

Мог, но не стал, поскольку Ангелина, уходя, с необычайной нежностью в голосе попросила его позвонить или забрать ее завтра на ночь к себе.

Вот так-то!..

– Давно ты с ней? – не выдержала Алиса гнетущей тишины, повисшей в машине, когда Антон вез ее в магазин.

– Тебе-то что?! – воскликнул он с удивлением и покосился в ее сторону. – Давно, недавно... Это что-то меняет?

– Для меня, да, – не хотела, да ответила она именно так.

Матвеев еще более удивленно присвистнул и протянул, почти не глядя на дорогу:

– С каких это пор тебя стала интересовать моя личная жизнь? Ну и я вместе с ней, а, Соловьева? Ты что же, приревновала меня к Ангелине?!

– Я?! Приревновала?! – попыталась, было, возмутиться Алиса, но тут же сникла под его насмешливым взглядом. – Наверное, ты прав, приревновала. Злилась чего-то, глядя на нее, а чего, и сама не пойму. В смысле, не знаю, как это называется...

– Симптоматика позитивная, конечно, сказать нечего. – Кажется, он развеселился. – Но поделаться ничего не могу, Аля. Кажется, я ее люблю!

– Понятно... – качнула она головой и отвернулась к окну, потом все же, подумав, добавила: – Такую девушку трудно не любить. Она необыкновенно хороша.

– Ага! – согласился он и больше уже не раскрывал рта, но упорно веселился всю дорогу, то и дело хмыкая и улыбаясь.

Они подъехали к одному из модных в их городе магазинов, где в хозяевах числился кто-то из друзей Матвеева. Вошли в отдел легкой женской одежды, и тут началось...

Алиса прокляла свое легкомыслие, заставившее ее позвонить Матвееву. Он просто измучил едкими замечаниями. То повернись, то пройди, то переоденься, то не горбись и не волочи ноги...

– Больше не могу!!! – завопила она, отослав продавца-консультанта за очередным ворохом тряпья. – Ты просто издеваешься надо мной!

Она устала, вспотела и выглядела теперь как загнанная лошадь, только что пена клочьями не висела на боках.

– Я не издеваюсь, а пытаюсь помочь, – резонно возражал Матвеев и снова заставлял ее примерять.

Результатом его двухчасовых экзекуций стали два объемных пакета с юбками, легкими брюками, блузками и платьями.

– Это очень дорого, Матвеев! – кисла она всю дорогу, пока он вез ее домой. – Мне за всю жизнь с тобой не расплатится.

– Ничего страшного, – улыбался он со значением. – Будешь вечным моим должником.

Препираясь, они доехали до ее дома, поднялись к ней в квартиру, и только тут Матвеев потребовал подробностей ее неожиданного трудоустройства. Алисе пришлось рассказать, а потом еще и отвечать на многочисленные вопросы, следом поить его чаем и тоже пообещать, что она не посмеет влюбиться в своего шефа. На языке чесался вопрос: а ему-то какое дело до того, влюбится она или нет, но он так и не прозвучал. Матвеев, вернее, ее опередил, объяснившись. Хотя, по ее мнению, лучше бы ему было промолчать.

– Не хочу просто, чтобы о тебе думали, как о последней дряни, понимаешь! В память о своей прежней любви к тебе, не хочу! – с пылом воскликнул Матвеев, уже стоя у порога, намереваясь уходить. – Эта Инга – хороший, должно быть, человек, раз так живо восприняла

твое бедственное положение и откликнулась. Могла бы запросто не обратить на тебя внимания... Нет, Соловьева, клятвы клятвами, но ты не смей!

И чего, спрашивается, пристали?! Не собирается она ни в кого влюбляться. Она же не дура совсем, чтобы влюбляться в женатого мужика!

Еще какая, как оказалось, дура! Еще какая!..

Глава 3

– Лиса, милая, как я рада тебя видеть! – Инга спешила к ней по сверкающему мрамором вестибюлю, широко раскинув руки.

Этим понедельником она выглядела еще более шикарно, чем в первую их встречу.

Высокая, длинноногая, с потрясающе тонкой талией и соразмерно высокой грудью. Короткая стрижка на темных, почти черных, блестящих волосах разметалась от быстрой ходьбы. И тоненький шарфик цвета шафрана все норовил сползти с оголенных плеч. На Инге был в тон шарфику тончайший сарафанчик, обнажающий плечи, спину, ноги.

А она-то, дуреха, маялась в выборе одежды. Матвееву теперь вон сколько денег задолжала. Он, конечно, с возвратом своих средств ее не торопит и вряд ли торопить станет, но все же...

– Привет, – сразу засмушалась своего строгого льняного костюма Алиса, надо было не заморачиваться и надевать то, что имела, в такую жару все прощается. – Я не опоздала?

– Нет, что ты! Идем, Лиса, я тебя с твоим шефом знакомить буду. Он уже на месте. Ничего, что я тебя так величаю, а? – Инга упорно игнорировала первую букву ее имени, делая ударение на первом слове. Так ее еще никто не называл. – Вот и славненько! Идем, твой работодатель тебя уже ждался...

Работодателю, как показалось Алисе на первый взгляд, было совершенно по барабану, сидит ли кто в его приемной, нет ли. Он весь был погружен в работу. Что-то писал, тут же подчеркивал, затем откладывал в сторону. Отвечал сразу на несколько телефонных звонков. Тут же рассеянно перебирал пять штук мобильных телефонов, судорожно извивающихся перед ним на столе в виброприпадках. В принципе, выполнял всю ту работу, которую надлежало выполнять его помощнику. Но его, кажется, это нисколько не тревожило.

Это был Алисин первый оценочный взгляд.

А на второй... она пропала.

Стоило Сергею Ивановичу поднять на нее глаза и улыбнуться, приветственно указав подбородком на стул, предлагая присесть, как Алиса тут же и пропала.

С камнепадным грохотом полетели куда-то в преисподнюю все ее клятвы и обещания, все заверения о том, что она никогда и ни за что не сможет влюбиться в женатого мужчину.

Влюбилась! Причем с первого... Нет, не с первого, со второго взгляда!

Влюбилась, как и большинство женщин, восседающих на своих рабочих местах в этой преуспевающей фирме.

Заколдован он был, что ли, или запрограммирован на то, чтобы в него влюблялись?! Или, может быть, у него в каком-нибудь потайном шкафу свой личный купидон имелся?! Сидит там тихонечко до поры до времени, перебирая пухленькими пальчиками лук со стрелами, а стоит войти какой-нибудь зазевавшейся барышне – и он тут как тут. Выстрел в сердце, и очередная жертва распростерлась у ног необыкновенного, неподражаемого Сергея Ивановича.

Алиса едва не заскулила от жалости к самой себе, когда ей пришлось пожимать его крепкую, совершенную по форме ладонь.

А пожимать-то пришлось, не откажешься же, сказавшись больной кожной инфекцией! И потом еще эту его ладонь чувствовать на своих лопатках, когда ее работодатель пошел проводить ее на новое рабочее место.

Инга к тому времени уже растворилась за дверями приемной, успев чмокнуть обожаемого супруга в гладковыбритую щеку. И слава богу, что ее не было. А то к страданиям Алисы прибавилось бы еще и это. Тяжело все же грызться совестью, когда обещала, да не смогла...

– Вот, Алиса... – Сергей Иванович Калинин откатил секретарское кресло от стола. – Это ваше теперешнее место работы. График мы с вами потом уточним, он наверняка станет

гибким, поскольку я в постоянных разъездах, встречах... Кстати, Инга не говорила вам, что вы станете меня повсюду сопровождать? Нет? Так я вам говорю.

– Это обязательно? – пролепетала она срывающимся, не похожим на ее голосом.

– Это обязательно! – подытожил Сергей Иванович, тут же принялся вытаскивать из всех карманов те самые мобильники, которые успел сгрести со стола, выложил их рядком на стол перед Алисой и указал на них, пробормотав с явным облегчением: – Это теперь ваше добро! Ну, работайте, а я – на встречу с клиентом.

Как она в тот первый свой рабочий день не тронулась рассудком, Алиса и сама не знала. Но к тому моменту, когда часы на стене показывали восемнадцать ноль-ноль, то есть финал рабочего дня, она всерьез вынашивала мысль о бегстве.

Бумаги... Бумаги... Снова бумаги... Чертежи, планы, проекты, командировки, сметы...

Она по самую макушку была завалена, не зная, что со всем этим добром делать. Тут еще телефонные звонки, растерзавшие ее мозг на тысячу рваных кусочков. Задания, которые ей надиктовал по телефону Сергей Иванович. Претензионный многоплановый тон коллег женского пола, которые, едва обнаружив новенькую в приемной, готовы были задушить ее собственными руками. Опять же назойливость коллег мужского пола, норовивших записаться в советчики и помощники, но способствующих как раз обратному процессу.

– Все! Не могу больше!!! – истерично прошептала Алиса, рассовав, наконец, бумаги по ячейкам и упав в то самое кресло на колесиках, которое ей так предупредительно предложил Калинин. – Пойду утоплюсь!!!

Словно прочувствовав ее суицидальный настрой, в приемную заглянула Инга. Кстати, впервые за весь рабочий день. Приоткрыла дверь, глянула с сочувствием и тут же протянула:

– Э-э-э, девочка моя! Да ты скисла! Так не годится... Ну-ка давай пойдем с тобой по домам, а по дороге поговорим по душам.

Говорить с ней по душам именно сегодня Алисе совершенно не хотелось.

Вот спросит Инга о ее первом впечатлении, потом о втором, и что она должна будет рассказать?!

Что вопреки всем клятвам и обещаниям влюбилась в Ингиного мужа быстрее, чем сама могла предположить? Или что к чертям готова была бросить бестолковую работу уже во второй половине дня? Что разочарована неприязнью представительниц слабой половины человечества? Или, может быть?..

Ага! Вот о своих глупых мечтах, мешающих ей сосредоточиться весь день, Инге уж точно говорить не следовало. И не только говорить, а даже намекать!

Она же, как последняя идиотка, полдня промечтала о великолепной возможности сблизиться с Сергеем Ивановичем в одной из их общих командировок. И куда ее только не заносило! Так далеко, одним словом, и так надолго, что знать Инге об этом совершенно необязательно.

А та как вцепилась, как пристала!!!

– Как тебе мой Серый? Скажи, классный мужик! Тут все тетки от него с ума сходят!.. А ты ничего, ему понравилась... Говорит, что сработаетесь... Ты ничего такого не думай, я тебе доверяю... В поездках он любит есть овсянку, так что тебе придется ему ее готовить по утрам...

– Как это?! – вытаращилась на нее Алиса, изнывая под жарким даже для вечера солнцем.

Они вышли только что на улицу из здания, обдуваемого кондиционерами, и словно шагнули в предбанник преисподней. Каблуки тут же увязли в подтаявшем асфальте. Кожа моментально пропиталась зноем и пылью. Дыхание перехватило от духоты, а из-под волос на шею поползли отвратительные ручейки пота. Мечта любого в такой момент поскорее оказаться под прохладным душем, а Инга затеяла этот непонятный разговор.

Каша... Какая каша?! Она представления не имеет, как готовится эта каша. И каким, интересно, образом подавать ее по утрам?! Они что, станут жить в одном номере?! Или Алисе придется ранним утром бежать сначала на гостиничную кухню, а потом с горячей кастрюлькой обратно?!

– Готовить можно на спиртовке, – принялась терпеливо объяснять Инга, старательно игнорируя ее страдальческое выражение лица. – Я тебе потом подробно расскажу, как и чего нужно положить, чтобы было в соответствии с Серезиным вкусом. Так, это завтрак... Ужинает он обычно с клиентами в ресторане. Обедает там же... А вот ланч... За ланчем тебе придется быть подле него и следить за тем, чтобы он не съел ничего острого либо пряного. Желудок, знаешь!..

– А если он захочет?

– Отберешь – и все. Сошлешься на меня, в крайнем случае. Да, чуть не забыла! – Инга сделала пару шажков к своей машине, потом вдруг вернулась, поцеловала Алису в щеку и прошептала ей прямо в ухо: – И не вздумай его соблазнить, Лиса! Не вздумай, слышишь!!! Я видела, как поплыл твой взгляд, когда ты его увидела. Если услышу хоть какую-то дрянь о тебе и о нем... убью, Лиса!

Это было сказано тихо, но таким тоном и без тени улыбки, способной намекнуть на возможность шутки или розыгрыша, что Алиса моментально поверила.

Убьет! Убьет непременно! Она и сама бы за такого мужчину поборолась. Едва увидев его, уже поняла это. А что говорить о жене законной, прожившей, по слухам, с Сергеем почти десять лет.

– Я не собираюсь соблазнять вашего мужа, – снова переходя на «вы», пролепетала Алиса, страшно краснея под пристальным взглядом Инги. – Это было бы глупо и непорядочно.

– Непорядочно! – фыркнула Инга и, качнув точеными бедрами, двинулась к своей машине. Потом еще раз оглянулась и покачала головой. – Дурочка ты еще, Лиса! Красивая, наивная дурочка... Очень редкое сочетание, кстати. Обычно к красоте подлость прилагается, а тут... почти клинический случай. Ладно, до завтра. И помни, что я тебе сказала...

До дома Алиса добиралась почти час. Автобусы шли переполненными один за другим, никого не высаживая и никого не принимая в свое огнедышащее нутро. На такси денег не было. Вернее, их надо было экономить. Кто знает, когда в этой конторе выдается зарплата и доживет ли она до нее? Не в том смысле, что доживет биологически! А в том, что сможет вылететь с треском уже через неделю.

Не справляется же? Не справляется! Мечтаниям бесплотным предается? Предается! Путается во всем, включая указания самого главного руководителя? Еще как!

Так что Инге не стоило так расстраиваться, вряд ли ее деятельность вдохновит Сергея Ивановича на длительный союз с такой нерасторопной девахой, как она – Алиса...

– Как твой первый рабочий день? – Матвеев, надо же, позвонил, не забыл и даже не забыл добавить с издевкой: – Как твой новый шеф? Готова познать с ним первый сексуальный опыт? Не мечтала, в смысле?

Алиса вдруг так разозлилась и на его развязный тон, и на то, что он наверняка все это выдает ей в присутствии своей неподражаемой Ангелины, что возьми и брякни:

– Готова, знаешь!

– Что, и в самом деле так хорош? – произнес Матвеев через паузу.

– Ага! – ничего не стала она отрицать и тут же добавила совершенно искренне и правдиво: – Вот просто как глянула на него, так сразу и втрескалась по самые уши, представляешь! Никогда не знала, где он бродит: мой мужчина. А оказалось, что и не бродит вовсе, а сиднем сидит в своем офисе.

Матвеев снова непозволительно долго молчал, то ли переваривал, то ли, прикрыв трубку ладонью, рассказывал своему ангелу, какая дура его бывшая возлюбленная. Потом все же спросил со странным вздохом:

– А как это Инга восприняла? Ну, твою готовность...

– Сказала, что убьет, – запросто так объяснила Алиса, морщась от боли в ногах: разношивать новую обувь ей всегда бывало нелегко. – Только, говорит, что-то услышу... Малейший намек или вздох, так сразу и того...

– Значит, она поняла! Поняла, что чары ее благоверного не оставили тебя равнодушной! Нет, ну ты даешь, Соловьева! Ты просто... Просто идиотка какая-то! Как долго ты собираешься там проработать? День, два, неделю?..

– С чего это? – Боль в ступнях мешала сосредоточиться на словах Антона.

– А с того, что если тебя не уволят так сразу, то неприятностей тебе не избежать... И это в лучшем случае! – подытожил Матвеев.

– А в худшем? – переполошилась моментально Алиса, не к месту вспомнив о том, что всегда и во всем оказывается прав Антон.

– А в худшем подставят так, что... Что лучше бы тебя уволили!

И бросил трубку, гад! У нее моментально возникли вопросы к нему. Должен же он был ее по-дружески хотя бы, если других чувств никаких не осталось, предостеречь. Или набросать приблизительную схему того, что может случиться или...

А он взял и трубку бросил! Или не бросал? Или это Ангелина нажала на рычажок, устав от их беседы? Как бы там ни было, но сомнения Матвееву удалось в ее нежную душу заронить. Сомнения, опасения и что-то еще тревожное такое, от чего у нее неприятно начинало поламываться в желудке и стучать в висках.

Засыпала Алиса в тот вечер с одной-единственной надеждой: может, все и не так страшно, как намалевал ей этот негодный Антон Матвеев? Может, все и утрясется, а?..

Глава 4

Гнусные предсказания бывшего воздыхателя начали сбываться ближе к осени. Все лето Алиса ждала: ну вот-вот, сейчас начнется... Сейчас на нее посыпятся все возможные и невозможные неприятности. Сейчас, вот сейчас, уже почти послезавтра все самое страшное перестанет быть просто опасением и...

Ну, ничего, как ни странно, не происходило! Ничего!

Все шло нормально.

Алиса потихоньку вживалась в коллектив и даже стала ловить на себе несколько присмиревшие взгляды сотрудниц. С мужчинами тоже был полный порядок. Те моментально прониклись уверенностью, что у нее кто-то есть и что их шансы далеко в минусе. Работа перестала казаться бестолковой, и справлялась она с ней почти играючи. Сергей Иванович, побудоражив несколько бессонных ночей ее воображение, отошел к разряду недосягаемых величин. Инга присмирела, безошибочно это угадав, и они с ней даже несколько раз пообедали вместе. Не нервничала больше из-за их совместных командировок. Да и Алиса перестала дергаться и даже кашу научилась готовить Сергею Ивановичу именно такую, какую он любил. Ей не пришлось бегать по утрам по гостиничным кухням.

Делалось все элементарно. В глубокую тарелку насыпались овсяные хлопья, заливались молоком, туда же немного изюма, чищенных и мелко нарезанных яблок, соль, сахар – и в микроволновку на три-четыре минуты. Кашка получалась объедение просто. Сергей Иванович хвалил. Инга потом, кстати, тоже.

Все шло просто отлично.

Но в начале сентября произошло такое!..

Утро было, как утро. В меру прохладное, в меру солнечное. Небо безоблачное, солнце сквозилось сквозь шторы, подбираясь к ее левому глазу, пробороздив огненную дорожку от подбородка по щеке.

Алиса потянулась, выпростав руки из-под одеяла. Глянула на будильник, поняла, что тот зазвонит минуты через три, и снова блаженно зажмурилась. Три минуты! Целых три у нее в запасе. Потом она встанет, примет душ, позавтракает и отправится на службу. С удовольствием причем отправится. Нравилось ей там.

Будильник зазвонил в положенное время, потом, придавленный ее ладонью, поспешно умолк. Алиса сползла с кровати и с обычным своим утренним постаныванием пошла в ванную. Приняла душ, причесала волосы. Подобрала их повыше, мудрено заколола, она теперь всегда так делала. И пошла на кухню готовить завтрак. Готовить-то особо было нечего, Алиса по утрам почти ничего никогда не ела. А тут вдруг захотелось омлета. Да еще с колбаской, и с лучком, и с тремя большими кляксами кетчупа по краю тарелки.

Все это она неторопливо приготовила. Сдвинула со сковородки омлет в тарелку, полила соусом, сложила с другого края мелко нарезанную колбасу и начала убирать с рабочего стола скорлупу с колбасной шкуркой. Сгребла все на разделочную доску, распахнула шкаф под раковиной, где у нее находилось мусорное ведро, и замерла от неожиданности.

В самом центре помойного ведра на горке из черствых хлебных корок восседали две мыши и сосредоточенно грызли то, что Алиса бессовестно засушила в своей хлебнице. На ее появление, на полосу света, которую она впустила, открыв шкаф, мыши даже не отреагировали. Как сидели, угощаясь, так и продолжили сидеть.

Минуты полторы понаблюдав за их бесцеремонностью, она резко отпустила дверцу, шарахнув ею изо всей силы, и тут уж завизжала от души.

Она орала достаточно громко и так долго, что в дверь позвонила соседка снизу.

– Алиса! Что случилось, детка?!

Мария Ивановна трясла головой, унизанной стародавними пластмассовыми бигудями, и в страхе смотрела на девушку, держащую в руках разделочную доску с яичной скорлупой и колбасными шкурками, она же так и не выбросила мусор. Некуда было, знаете ли! Подселение у нее случилось в помойном ведре...

– Марь Иванна! Там такое!!! – Алиса махнула ослабевшей рукой в сторону кухни. – Там... там мыши!

– О господи! – Соседка снизу выдохнула с заметным облегчением и вошла, наконец, в Алисину квартиру. – А я-то уж подумала... Такой визг! Такой визг я уже не помню, когда слышала в последний раз. А я пожила, да... Покойница Тамара вторично скончалась бы от такого твоего визга.

Тамарой звали покойную бабу Алисы по отцу. Вредная была бабка и нелюдима. С сыном общалась нечасто, о внучке и слышать ничего не желала, ожидая при рождении внука. Но квартиру неожиданно завещала Алисе и даже письмо какое-то оставила. Оно хранилось у нотариуса, и тот должен был зачитать его непременно в день Алисиной свадьбы.

Мать, услышав об очередном выверте старой карги, презрительно фыркнула. Отец смущенно почесал затылок. А Алиса тут же принялась фантазировать:

– Может, она мне сокровища какие-нибудь оставила к свадьбе, а, ма?! Может, колье какое на миллион долларов или вполмиллиона, но тоже ничего...

– Хорошо, что хотя бы квартиру фонду бездомных кошек не оставила! – восклицала в таких случаях мать. – Зная нашу бабушку, я бы не удивилась, да! А ты о колье каком-то говоришь! Да и откуда бы ему было взяться, детка?! Бабка жила, как церковная мышь!

Отец в прениях не участвовал, но на дочь в таких случаях всегда смотрел со смесью загадочности и сожаления одновременно, а еще, быть может, стыда. Объясняться он не желал, лишь пожимая плечами на Алисины многочисленные вопросы.

Потом она о письме позабыла совершенно, вспоминала лишь изредка, когда соседка и подруга бабки – Мария Ивановна – начинала недобрым словом крыть покойницу. Вот она-то однажды и ляпнула, слегка забывшись за бутылочкой вина:

– Она, Томка-то, скаредная была, упокой, господи, душу ее грешную. Все прикидывалась, все прикидывалась нищей, а на самом деле...

– Что? – заинтересованно откликнулась Алиса, заглянув через плечо Марии Ивановны, потому как та туда беспрестанно косилась. – Что на самом деле?

– А на самом деле деньжищ у нее была прорва! Только прятала она их! Ото всех прятала, а в первую очередь от себя самой.

– Почему? – вопросом семейных реликвий или сокровищ Алиса задавалась с раннего детства; если такое случается сплошь и рядом, то почему у нее в семье не может быть. – Почему от самой себя?

– Да потому, что считала, что кровь на этих деньгах, вот! Дед твой, говорят, во Вторую мировую совершенным малолеткой воевал, ну и, слышала, помародорествовал на дорогах войны-то. Бабка, когда, говорят, узнала, сразу с ним на развод подала, хотя к тому времени много лет с ним прожила. И жили, говорят, неплохо. Сюда-то она уже переехала с отцом твоим, но без мужа. А потом... – следовала затяжная пауза с непременными вздохами и причитаниями, и выводился трагический финал всей этой истории: – А потом дед твой, слышала, заболел тяжело. Помирать собрался и бабке телеграмму дал, мол, приехала бы, простила перед смертью.

– И она поехала?

– Поехала! А куда деваться, его же хоронить было некому, один он, как перст. Бабка и поехала, а отца твоего мне всучила. Уезжала на три дня, а пробыла три недели. Я чуть с ума не сошла от бати твоего. Озорной был, жуть! Тамара пробыла там три недели, потом схоронила его и вернулась.

– И что дальше?!

– А ничего! Уехала с одной сумкой, а приехала с двумя чемоданами, вот! Я к ней с вопросами, что, мол, привезла, все такое... А она ни в какую! Так, говорит, кое-что из постельного белья прихватила... Только врет! Вернее, врала, как сивая кобыла! Золотом были набиты те чемоданы, Алиска, золотом!

Возразить бы ей и сказать, что чемоданы, полные золота, женщине ни за что не по силам, но уж очень не хотелось спорить. Хотелось верить в бабкины, то есть в дедовы, богатства. Она даже на бабкиной даче подкоп под хлипкий домик делала, надеясь отыскать кубышку с сокровищами. Бесполезно. Ни денег, ни золота, ни драгоценностей, ничего! После смерти бабки Тома осталась лишь вот эта квартира, в которой она на правах наследницы поселилась не так давно. Тот самый хлипкий домик, который отец снес в позапрошлом году, опасаясь, что в один прекрасный момент тот кого-нибудь придавит. Да еще злополучное письмо, о котором имелось одно лишь упоминание.

Со временем мысль о возможных сокровищах стала казаться совершенно несбыточной и ничуть не беспокоила. Да и с Марией Ивановной они стали видаться очень редко, а тут вдруг случай представился в виде двух обнаглевших мышей.

– Томка-то мышей тоже ненавидела! – проворчала Мария Ивановна, ступая в домашних шлепанцах по полу кухни. – Орать так, как ты, правда, не орала никогда, но бороться с ними боролась не на жизнь, а на смерть. Кто кого!..

– Как же с ними бороться? – Алиса осторожно ступала следом за соседкой, со страхом наблюдала, как та открывает ее шкаф под раковиной, как заглядывает в мусорное ведро, как совершенно спокойно потряхивает его.

– Методов много, – авторитетно заявила соседка, снова захлопнув дверцу. – Нету там никаких мышей! Привиделось тебе, наверно, Алиска! А хоть и не привиделось, чего тебе бояться, съедят, что ли?

– Не съедят, но... Неприятно как-то... – промямлила Алиса, уже со стыдом вспоминая свой истошный визг.

И чего орала в самом деле, не тигры же в ее ведре завтракали, мыши всего лишь.

– Вот Томка, та, понятно, чего опасалась, – продолжила вслух свою мысль Марья Ивановна, держа путь обратно к выходу. – Та боялась, что в ее тайниках ее деньги мыши поточат. Денег-то привезла два чемодана, прости господи, и не поделилась даже!..

Алиса удивленно глянула в спину старой женщине. Помнится, в прошлый раз чемоданы были полны золотом. Теперь деньгами... Путаает она что-то. Путаает, а скорее всего, выдумывает.

– А ты, чем орать, отравы насыпь. Купи и насыпь в кухне под раковиной. Они и исчезнут, мыши-то. И беспокоить тебя не станут!

Не исчезли! И беспокоить принялись каждую ночь! Да так беспокоить, что Алиса света белого не увидела. Уже всерьез подумывала звонить Матвееву с просьбой пожить у него немного. Вовремя одумалась, вспомнив про Ангелину.

И что самое противное было во всем этом – это то, что самих мышей Алиса больше ни разу не увидела. Ну не встретились они ей больше в живом виде. Зато каждую ночь, укладываясь в кровать и заворачиваясь в одеяло, она слушала их премерзкую возню.

Как же отвратительно они скребыхались, чем-то шуршали, попискивали! Да громко так, что, не зная она точно место их дислокации – встроенный шкафчик под кухонным подоконником, – подумала бы, что они вытворяют все это под ее кроватью. Смешно признаться кому бы то ни было: Алиса стала бояться по ночам ходить в туалет! Боялась наступить в темноте на какую-нибудь шальную мышь, отправившуюся гулять по ее квартире. Пришлось оставлять свет в прихожей. Но и это не спасало от вторжения. Мыши по-прежнему, облюбовав ее квартиру, продолжали свою возню.

Матвееву она все же позвонила. Ну, не выдержала, и что?! Правда, на ночлег проситься не стала, а просто пожаловалась, как нелегко ей в последние несколько дней живется.

– Не была бы я уверена в обратном, Антон, подумала бы, что это ты специально расселил их у меня, – закончила она, грустно пошутив.

– А чего так уверена-то? – не сразу понял тот, а может, просто прикинулся непонимающим.

– Ну, у тебя же теперь любовь... Ангелина... – Алиса печально вздохнула. – Что мне делать, Антоша? Я уже и отравы везде насыпала. И клей этот самый на картонку налила, это приманка для них такая.

– Зачем, я не понял?

– Чтобы они прилипали, а я чтобы их выбрасывала. – Алиса передернулась, вспомнив о своей недавней жертве, попавшейся на приманку.

Мышь, попавшаяся на клеевую картонку, прилипла к ней задними лапками, тогда как передние у нее остались совершенно свободными. И она носилась почти всю ночь по ее кухне, производя такой грохот, словно там гоняется стадо слонов. К утру мышка выдохлась, а вечером Алиса выбросила в помойку ее хладный труп.

Мерзость!!!

– Ладно, Соловьева, это не так страшно, – подвел итог под ее жалобами Матвеев. – Что такое, в сущности, мышинная возня? Так, фигня одна! Фантом почти что! Его не видно, но слышно... Это производит гнетущее впечатление, настораживает, иногда пугает, но не более того! Вреда, как такового, истинного вреда тебе причинить это не сможет! Ты же не станешь возражать или утверждать, что мышинная возня вредна для твоего здоровья или безопасности, скажем? Не станешь, Соловьева! Это неприятно для психики, согласен. Но... Это, в сущности, мелочь, Аля! Не переживай, передохнут твои мыши сами по себе либо от твоих ловушек. Это ведь всего лишь мыши, не люди.

– Нет, ну при чем тут люди, Матвеев?! При чем тут люди?! – завопила Алиса, произвольно прислушиваясь, кажется, в кухне снова заскребыхало под подоконником.

Это у нее теперь всегда происходило помимо воли – прислушиваться. Упадет неосторожная капля из плохо закрытого крана: ага, уже какой-то посторонний звук. Скрипнет форточка от порыва ветра – очередной повод для обострения слуха. Застонет половица под ее осторожной поступью – еще один сигнал.

Со стороны, наверное, все это выглядело комично. Правда, Алисе было не до смеха. Ей даже порой стало казаться, что она потихоньку сходит с ума. И, укладываясь в кровать, уже заснуть не может без этой гадкой мышинной возни...

– А люди, Соловьева, всегда при чем-нибудь! – веско заявил Матвеев, он же всегда и во всем оказывался прав. – Когда мыши возятся, мешая думать или засыпать, – это не беда. Это поправимо. А вот когда люди завозятся по-мышинному... Тогда, Аля, дело плохо.

– Почему? – представить себе людей, поедающих с оглушительным грохотом среди ночи сухие хлебные корки, Алисе было трудно.

– Твое счастье, что ты не сталкивалась еще с подковерными интригами! Твое счастье! Гнусного человечка, его же не прилепишь к клейкой картонке и не выбросишь потом в мусоропровод. Его терпеть рядом с собой придется. Знать, что он гадкий и мелкий, знать, что он расшатывает, подгрызает стул, на котором ты сидишь, и терпеть, – гнул свою линию Матвеев, с удовольствием уча ее жизни.

– Почему терпеть?

– Потому что сделать ты ничего не сможешь! Знать будешь, слышать, догадываться, а поймать не сумеешь! Это же мышинная возня, дорогая! Это фантом... Ладно, не печалься, все пройдет. Передохнут твои мыши. А в качестве утешительно приза... – Матвеев помолчал со

значением полминуты, потом сказал: – Свожу тебя в ресторан в ближайшие выходные. Хорошую кухню, приятные манеры, такое же общество гарантирую...

– Очень надо мне с твоим ангелом идти в какой-то ресторан! – выпалила, не сдержавшись, Алиса.

– С каким ангелом? – снова прикинулся непонимающим Антон. – Это ты об Ангелине, что ли? Так она уехала на пару недель, не волнуйся. Ужинать будем вдвоем. Ты и я, как раньше...

И повесил трубку, мерзавец. Утешить не утешил, напустил туману и без всяких объяснений повесил трубку. Как вот это называется?..

А насчет мышинной возни он, пожалуй, прав. Как всегда, впрочем. С людьми в такой ситуации бороться куда сложнее.

Разве можно что-то предпринять, когда тебе исподтишка гадят отвратительные людишки?! Обезопасить себя как-то разве удастся? Ведь нельзя угадать, в какой момент и из-за какого угла раздастся этот отвратительный, отравляющий душу шорох...

Глава 5

– Алиса Михална, зайдите, – раздался по громкоговорящей связи голос ненаглядного шефа. – Есть вопросец...

По отработанной привычке машинально глянув на себя в зеркало и поправив замысловатую прическу на макушке, Алиса пошла в его кабинет.

– Что-то я не нахожу своего доклада среди бумаг. – Сергей Иванович демонстративно полистал кучу бумаг, которые она до этого принесла ему в кабинет в тисненой кожаной папке. – Вы его отпечатали?

– Конечно! – Алиса в недоумении глянула на ворох документов. – Он должен был лежать прямо сверху!

– Так не лежит! – разозлился вдруг Сергей Иванович. – Если бы лежал, я бы вас не вызывал! Не хотите же вы сказать, что я к вам придираюсь! Найдите немедленно!

Он бросил папку на стол. Алиса вовремя поймала ее, иначе бумаги бы разлетелись веером по полу. Взяла папку в руки и вернулась в приемную. Там бумажка за бумажкой, документик за документиком она просмотрела все. Не было доклада! Не было!..

– Что за черт?!

Пока она еще ни о чем таком не догадывалась, не кидалась сломя голову кого-то подозревать или думать о себе, как о забывчивой дурочке. Мысль, что ей только казалось, что она положила в папку доклад шефа, а на самом деле не положила, пока не тревожила Алису. Но трехкратный просмотр документов тому поспособствовал.

Алиса не на шутку взволновалась. Она не знала, что думать и что предпринять.

Принялась ругать себя поначалу. Потом перекинулась на возможных шутников, умыкнувших прямо из-под носа нужный документ. Потом снова кляла свою забывчивость. Сошлась на том, что доклад необходимо распечатать заново, так как отыскать его не представлялось возможным.

Она подошла к своему компьютеру. Нашла нужный файл, щелкнула мышкой и... замерла от испуга. Чисто! Чисто девственно! Ни единого слова, буквы или запятой в открывшемся документе.

Вот тут-то, конечно, она уж точно была ни при чем. Привычка хранить все, даже самые маловажные бумаги, в компьютерной памяти сохранилась у нее еще со студенчества. Так, на всякий случай. А вдруг?

Что же выходило?

Выходило, что какой-то умник изъясил из папки шефа распечатанный ею доклад. А потом еще и стер документ из памяти, пока она...

Так, а где она могла быть в тот момент, когда непонятно кто все это проделывал? Она ведь не покидала свое место. Папку после того, как сложила туда бумаги стопочкой, из рук не выпускала. Или все же выпускала?..

Да, кажется, был такой момент. И не момент даже, а крохотное мгновение. Когда она выглядывала в коридор, чтобы отловить уборщицу, третий день забывающую опорожнить ее корзину для мусора. Она, помнится, сложила бумаги. Потом вышла из приемной. Быстро прошла к туалету, рядом с которым торчала швабра, значит, уборщица была там. Это минуты три... Плюс еще пара минут на то, чтобы отыскать уборщицу в кабинках. Минута на внутреннее... И она вернулась обратно. Взяла папку, не заглядывая внутрь, отнесла ее на стол шефа. Следом и он явился. Потом вот вызвал к себе.

Отсутствовала она, выходит, минут пять. Да... Времени предостаточно, чтобы войти в приемную, вытащить доклад, удалить его из памяти и...

Так, а вот скрыться незамеченным у этого злоумышленника ни за что не получилось бы. Он непременно попался бы ей в коридоре. С кем она встретилась, возвращаясь после непродолжительного внушения уборщице?

Да со всеми почти, господи ты боже мой! Утро же было, все как раз спешили по своим рабочим местам. Инга с кем-то разговаривала в коридоре. С кем?.. Ах, да! С новеньким из юридического отдела. Он пришел к ним месяц назад и, кажется, не остался равнодушным к Алисиной красоте. Высокий такой парень, симпатичный, темный шатен.

Еще встретились две бухгалтерши, особо рьяно ненавидевшие ее при поступлении на работу. Потом вроде ничего, смирились, даже приветливо улыбались при встрече.

Так, был еще кто-то... Кто же?..

Женщина молодая, незнакомая Алисе. Она у них точно не работала. А что же так поразило в ее внешности? Что-то ведь поразило, раз Алиса на нее обернулась! Что? Нет, не вспомнить сейчас ни за что.

Кто еще?

Шли, кажется, балагурия, два коммерсанта, так она называла ребят из службы сбыта и снабжения.

И еще... еще начальник службы безопасности, вот! Он с ней столкнулся нос к носу прямо у двери приемной. Неужели он?! Господи, ему-то зачем подставлять Алису? Что он с этого получит? Удовлетворение от ее неприятностей, причем тайное?! Наглядно порадоваться все равно не посмеет.

За что он может ненавидеть ее? Мотив такого гадкого поступка у него имеется?

А как же! Конечно, и не один! Она же ему одному из первых отказала в служебном романе, который тот не прочь был бы с ней закрутить.

– Ты меня, сучка, еще вспомнишь... – так, кажется, прошипел особист ей вслед, когда она оттолкнула его на лестничной клетке. – Не хорохорься особенно! Мы таких, как ты, не раз через коленку сгибали...

Ну, прошипел и прошипел, она и внимания-то особого на это не обратила. Проблем, что ли, мало! Да и привыкнуть успела к тому, какое впечатление производит на окружающих. Одним отверженным больше, что с того?!

А он вон, оказывается, как все повернул! Решил ее рабочего места лишить!

Черта с два у него получится! Черта с два!

Алиса удовлетворенно улыбнулась. Тот, кто чистил ее файл, ни за что не догадался бы, что всю важную информацию она дублировала на съемных дисках. Так, на всякий пожарный случай. Доклад обожаемого шефа относился как раз к разряду важного, вот она быстренько и скинула его на диск.

– Алиса Михална! – Сергей Иванович не поленился сам выйти в приемную и, опершись о распахнутую дверь, гневно теперь на нее посматривал. – Что происходит?! Я увижу свой доклад или как?!

– Вот, возьмите, пожалуйста. – Она протянула шефу десять только что распечатанных листов и виновато улыбнулась: – Оригинал куда-то запропастился. Пришлось срочно делать копию.

– А вы разве не удаляете отработанные файлы? – спросил ее вдруг Сергей Иванович совершенно, кажется, не к месту. – Забываете память всякой ерундой, а потом стонете, что диски летят...

Открыв рот, она смотрела на то, как Сергей Иванович впивается глазами в только что извлеченный из принтера доклад, как закрывается потом в своем кабинете, и все мысли ее были только об одном.

А вдруг?.. Вдруг и он сюда руку приложил?! Вдруг он решил проверить ее деловые качества или...

Нет! Ну, глупо же! Глупо и несуразно как-то. Это точно их местный секьюрити шалит. Мышиную возню затеял, во! А ведь Матвеев предупреждал. Вот еще оракул чертов! Нет спасу от его пророчеств, честное слово! Стоит ему только рот открыть, как тут же что-нибудь происходит: то шторм на море, то пакости человеческие.

Целый день Алиса проработала с ощущением того, что вот-вот должно что-то еще непременно случиться. Целый день приглядывалась, прислушивалась, осторожничала. Ну, прямо как в ее истории с ее мышами, ей-богу! Сумасшествие просто какое-то...

К вечеру Алиса измучилась как от самой работы, так и от того, что приходилось целиком и полностью контролировать каждого посетителя, переступившего порог приемной, поэтому домой она доехала на такси, еле переставляя ноги, поднялась к себе на этаж.

Домой! Скорее! В горячую ванну с той самой пенкой ароматной, от запаха которой даже голова слегка кружилась. Потом съесть что-нибудь наскоро – и в постель. Сегодня ее даже мыши не волнуют. Пускай скребутся, пускай жрут все подряд, пускай даже смеются над ней втихаря, ей плевать. Теперь-то она знает, насколько отвратительнее мышиная возня, затеянная двуногими существами...

– Привет, Соловьева, – раздалось вкрадчивое за ее спиной, когда она только-только вонзила ключ в замочную скважину.

– Антон! – Алиса даже взвизгнула от неожиданности. – Какого черта ты подкрадываешься ко мне со спины?!

– О-о-о, как все запущено! – протянул Матвеев насмешливо и втолкнул ее своей грудью прямо в прихожую. – С психикой ты не дружишь, стало быть, да, Соловьева?

– Послушай, Антон, – начала Алиса вполне миролюбиво. – Мне сейчас ни до чего, понимаешь! И не до твоих колкостей в том числе. А ты вообще чего приперся? Хочешь отсутствие своего ангела использовать по полной программе? Так ведь сам знаешь, какая из меня партнерша.

Матвеев в этот момент как раз начал снимать с себя легкий пиджак оливкового цвета и тут же вдруг приостановился. Выразительно так глянул на нее мгновенно потемневшими глазами, снова натянул пиджак на плечи. Скрестил руки перед грудью и молвил, скривив рот:

– А это еще как сказать, Аля! Как сказать! Иногда приходится узнавать о людях много нового. Много такого, о чем прежде и подозревать не мог... Да...

От того, как многозначительно он смотрел на нее сейчас. От того, как говорил все это, и от того, как неприязненно кривились при этом его губы, Алисе моментально сделалось не по себе.

Как бы ни пыталась она мысленно себя успокоить, делая скидку на усталость, на то, что издержалась вся в ожидании новых пакостей, настороженность все же не исчезала.

Матвеев не просто так пришел, решила она минуту спустя. Этот его визит исполнен какого-то странного тайного смысла, может быть, зловещего даже. Только вот молчать будет до последнего, а медленно и целенаправленно примется вытягивать из нее все жилы...

– Антон! Антон, что-то случилось?! – Она физически ощутила, как наползает на ее лицо бледность. Встала как вкопанная, в одной тапке, вторую так и не успела надеть, уставилась на него расширившимися от ужасного предчувствия глазами и снова повторила: – Что-то случилось?!

Кажется, его проняла ее бледность и испуг он счел вполне натуральным, потому что подобрел моментально и спросил вполне нормальным матвеевским голосом:

– Почему обязательно что-то должно случиться? Чего ты так перепугалась?

– Просто... Просто сегодня кое-что уже произошло...

– Что? – Он все же снял с себя пиджак и ей помог избавиться от своего и даже ее голую ступню вдел в тапку. Выпрямился, погладил по щеке и снова спросил с явной тревогой: – Что произошло, Алечка? Не молчи...

Ох, как ей сделалось сразу легко и хорошо от его участия. От близкого присутствия и от того, как он по имени ее назвал. Мило так, почти забыто. И она, совсем позабыв о том, что Антон теперь делит свою личную жизнь с Ангелиной. Забыв, что дала зарок не клеится к нему, потому что он теперь богат. Не ответила взаимностью бедному студенту, нечего теперь пытаться все исправить. Забыла она обо всем этом, просто услышав искреннее сочувствие в его голосе! Уткнулась головой ему в плечо и, всхлипнув едва слышно, пробормотала:

– Ты знаешь, ты снова оказался прав.

– Ну, это же все закономерно, дорогая. – Его рука легонько коснулась ее волос и погладила. – Прическу какую-то стала делать... Непонятную... Чужая ты с ней или в ней, не знаю, как правильно... Так в чем я там оказался прав, малыш?

Нет, ну откуда, на какую ее беду взялась эта самая Ангелина?! Откуда и каким ветром ее занесло?! Не было бы ее сейчас, она обняла бы его, прижалась бы, и пускай бы все то произошло, что не произошло тем прошлым летом, когда она...

Думать об этом не стоило. Это было подло, это было сродни тому, что сегодня сделали с ней. Нельзя же ей уподобляться мерзкому человечку, творящему гадости из-под полы. Ангелина уехала, не подозревая о том, что кто-то станет вынашивать тайные грешные мысли насчет ее жениха. Был когда-то ее! Был! Время упущено, что теперь делать...

Алиса отстранилась и неловко улыбнулась.

– Извини, Антоша, я что-то расклеилась совершенно. Но твои пророчества относительно мышиной возни, кажется, начинают сбываться.

И она во всех подробностях рассказала Матвееву об исчезнувшем докладе, о том, кого и в каком составе встретила в коридоре. И главное, не оставила без внимания странное замечание, сделанное ей напоследок Сергеем Ивановичем.

– Дела-аа, Соловьева! – только и выговорил Антон.

Они к тому времени уже перешли в кухню, где ей все же пришлось заниматься ужином, хоть и не хотелось. Поставила воду под макароны, разморозила бифштексы и, как следует извлевав в панировке и специях, принялась жарить.

– Слушай, но ведь это же чистой воды бредятина! Зачем?! – возопил Антон, подумав минут пять над ее историей. – Кому радость от того, что тебе станет плохо? Хотя о чем это я! Мои прежние соседи всякий раз, меня заливая сверху, так радовались, так радовались... Значит, завелась там у вас крыса настоящая... Если, конечно же, эта крыса не управляема твоим красавцем начальничком...

– Ну, вот опять! Прекрати немедленно клеветать на приличных людей! – возмутилась Алиса, в сердцах швырнув на сковородку очередной кусок бифштекса так, что масляные брызги полетели в разные стороны. – Зачем ему меня подставлять?! Каждый поступок мотивирован чем-то. У Сергея Ивановича какой мотив? Он меня не домогался! Он с явной охотой принял меня на работу! И доволен был все время! Вот у начальника службы безопасности – да. У того мотив налицо.

– Ты ему отказала! – удовлетворенно улыбнулся Матвеев, макая кусок хлеба в солонку и с удовольствием от него откусывая. – И не ему одному, между прочим!

– Вот, вот! Давай я еще и тебя начну подозревать! И вообще подозреваемых может быть очень много, можно полжизни потратить, чтобы выяснить, кто подстроил эту гадость.

– И что-то подсказывает мне, что гадость эта не последняя, – снова встрял Антон с набитым хлебом ртом. – Это только начало, детка. И вполне безобидное. Слушай, а может, кто на место твое метит? Или Инга эта, сначала устроила тебя, потом подумала, подумала, присмотрелась внимательно и решила, что для ее мужа ты слишком великое искушение. И решила...

– Инга может уволить меня без всяких мотиваций. Просто зайти в отдел кадров и оставить там распоряжение. – Алиса отрицательно покачала головой. – Нет, это не она. К тому же у нее просто не было времени. У нее, у многих других тоже. Это секьюрити, больше некому.

Он столкнулся со мной прямо в дверях. Попробовать поговорить с ним? Пригрозить, что все расскажу шефу?

– Попробуй, – неожиданно легко согласился Матвеев. – Хуже не будет. И если это он, пускай знает, что тебе все известно. Пускай ходит да оглядывается. Слушай, Соловьева, мы ужинать будем когда-нибудь или нет?!

Ужин был готов минут через десять. Все это время Матвеев ныл и приставал к ней с нелепыми вопросами. То почему она перестала совсем носить джинсы. То длина юбок его перестала совершенно устраивать. С новой прической достал просто. И старит она ее, и не сексуальна.

Придирался, одним словом!

Но Алиса не роптала. Она молча помешивала макароны, переворачивала на сковородке мясо, терла на крупной терке сыр в глубокую керамическую миску. И все это с удовольствием.

Она вдруг поймала себя на мысли, что очень рада его присутствию. Не в том смысле, о котором думала, уткнувшись в его плечо. Об этом она себе запретила думать, все время помня об Ангелине. А в дружеском. В обычном дружеском смысле, в том самом, который всегда ее устраивал.

Вот сидит Матвеев на ее кухне на старой расшатанной табуретке, раскачивается, расшатывая еще сильнее. Искрошил полбуханки хлеба, насорил солью по столу и ворчит, ворчит, ворчит, будто старик. А ей хорошо! Спокойно с ним рядом. И даже мыши гадкие присмирели от его присутствия, словно поняли, кто в доме главный.

– Замуж бы тебе... – осторожно заметил недавно отец в последнем их телефонном разговоре. – В доме должен быть мужчина, хозяин...

Никаких мужчин в ее доме, кроме Матвеева, не бывало и раньше, не было и теперь. А ведь, действительно, надо бы...

– Слушай, а может, мне замуж выйти, а, Антош? – спросила она, когда ставила на стол тарелки с мясом и макаронами с сыром. Села к столу, подперла кулачком подбородок и, глядя на друга с печалью и ожиданием, снова спросила: – Может, выйти замуж, а?

– Замуж – не напасть, как бы замужем не пропасть. – проворчал он, пододвигая к себе тарелку, вонзил вилку в самую серединку сырной горки и принялся накручивать длинные макароны на вилку. – Замуж! Это же очень серьезный шаг, Соловьева! Замуж не выходят из-за того, что в твоём доме завелись мыши и на работе тебя кто-то начинает тихо ненавидеть и вредить.

– А почему тогда выходят замуж? – Алиса пожала плечами, принимаясь нарезать мясо мелкими кусочками. – По любви, что ли? Не верю!

– Почему?

– Если выходили замуж и женились по любви, то куда она потом девается, ведь каждый третий брак распадается! Какая тут любовь, Матвеев?! Нет, замуж выходят по каким-то другим причинам. А вот по каким, я пока не знаю... Кстати, и бабкино письмо тогда прочесть сумею. Что-то она там мне завещала?..

– Вот-вот! Так и скажи, что любопытство тобой движет! – Всю историю бабки Тамары Матвеев знал доподлинно, и они частенько прежде фантазировали по этому поводу. – Но выходить для того, чтобы прочесть завещание... Нет, Соловьева, с твоей психикой и правда что-то не в порядке. Заняться бы тобой всерьез...

– Ангелиной своей занимайся, – огрызнулась она, но без азарта, просто, чтобы не оставлять его реплику без ответа. – У вас с ней, кажется, все по взаимной любви и согласию! Того и гляди, к алтарю ее поведешь!

И зачем сказала так, дура! Что ждала услышать в ответ?

– Может, и поведу.

Услышала, называется! И тут же расстроилась, хотя и давала себе зарок не мечтать больше о нем. Ведь их будущее осталось в прошлом.

Доедали они в полном молчании. Алиса хмурилась. Матвеев чему-то загадочно улыбался. Но она не стала его больше ни о чем спрашивать. Вдруг опять скажет что-нибудь такое, от чего она до утра не уснет.

Посуду вымыли вместе, все убрали по шкафам и пошли в гостиную на ее относительно новый диван смотреть телевизор, купленный по совету и с благословения Матвеева. Что-то смотрели, даже смеялись, потом решили вдруг просмотреть все ее студенческие альбомы. Он снова веселился, вспоминая. А Алиса грустила, мрачней все сильнее.

Где, спрашивается, были ее глаза, когда Антон хвостом увивался за ней?! Почему фыркала, когда он ждал ее после лекций, когда таскал на себе через глубокие лужи? Корчила недвольные гримасы, принимая крохотные букетики полевых цветов. Ну, не было у него тогда денег на розы, что поделаешь!

Сейчас бы...

Сейчас бы за один букетик чахлых ромашек отдала неизвестно что. Лишь бы были они подарены им – Антоном Матвеевым...

– Красивая ты все-таки, Соловьева! – проговорил он вдруг, застыв над ее фотокарточкой с выпускного вечера в институте. – Глаз иногда оторвать невозможно!

– Так ты тоже... – Ей как-то неловко сделалось от его восторга. – Ты тоже очень симпатичный, Антон! Высокий, кареглазый... Мечта, а не мужчина. А теперь еще в такой заманчивой блестящей упаковке.

– Не всем она требуется, Аля. Не всем. – Матвееву вдруг взгрустнулось, он запихал все фотографии обратно в альбом, даже не досмотрев до конца, и тут же засобирился. – Пойду я... Ты звони, если что... Мы же с тобой все-таки не один год друг друга знаем.

Алиса заверила, что непременно позвонит, про себя добавив, что не так уж у нее много времени осталось до возвращения его ангела. Воспользуется, чего уж...

Она проводила Антона до двери, подала ему пиджак и даже поцеловала в щеку, расчувствовавшись. Все же хорошо, что он пришел сегодня вечером. С ним вместе пережить потрясение минувшего дня получилось много легче.

Уже укладываясь спать и взбивая подушки, Алиса замерла столбиком и затаилась.

Кажется...

Кажется, даже мыши сегодня решили ее не беспокоить. Или визит Матвеева их заставил присмиреть, кто знает. Так или иначе, но засыпала Алиса с блаженной улыбкой на лице, впервые за минувшие три недели. В полнейшей тишине и покое.

Зато три последующих дня на работе стали для нее сущим кошмаром. Причем кошмаром скандальным. Складывалось ощущение, что мыши из ее квартиры исчезли с одним условием: передать невидимую эстафетную палочку тому мерзавцу, который вознамерился погубить ее.

Глава 6

– Алиса?! Я же только что передавала Сергею Ивановичу через вас банковские документы!!! Как они могли пропасть, если я вам их буквально в руки вложила?!!

– Алиса, с ума сойти можно! Акт инвентаризации... Можно узнать, что с ним сделалось, куда он подевался после того, как его утвердил Сергей Иванович?!

– Что вы скажете на то, чтобы вернуть в финансовый отдел платежные поручения?!

– План-график на октябрь, где он?!

Ей казалось иногда, что она тихо и планомерно сходит с ума. Не сама, конечно, а с чьей-то лихой подачи. Вот беда, она не знала, с чьей именно! И Матвеев терялся в догадках, когда она каждый вечер с плачем жаловалась ему.

Как Алиса ни пыталась поймать, проследить, захватить на месте преступления, человек этот не попался ей ни разу. Зато документы пропадали с завидным постоянством и находились потом в самых невероятных местах. То в фойе на подоконнике, то в туалетах, при чем как в мужском, так и в женском.

– Слушай! Да там целая шайка орудует! – воскликнул потрясенный Матвеев, когда она в очередной раз принялась ему жаловаться. – Не мог же, к примеру, мужчина зайти в женский туалет или наоборот...

В принципе, сложностей с этим не было никаких. Туалетные двери располагались рядышком, открывай, протягивай руку, клади бумаги на умывальник и, даже не переступив порога, смывайся.

Но она оспаривать версию Матвеева не спешила. Он же всегда оказывался прав, может, и на этот раз все именно так и окажется.

Утро пятницы выдалось на удивление спокойным. Алиса, как кенгуру, всюду таскала с собой огромную папку, набитую документами, опасаясь даже на секунду оставлять ее на столе. Компьютер уже неделю стоял у нее на пароле. Существовало, правда, опасение, что кто-нибудь подложит ей под стол взрывное устройство, на худой конец натыкает в сиденье иголок, но этого она не боялась. В лучшем случае уколется, в худшем умрет. Ей подобное казалось не столь ужасным, чем недоуменные вопросительные взгляды, гневные возгласы и насмешливый шепот в спину.

– Алиса, – позвал ее после оперативного совещания шеф. – Нам нужно с вами составить план селекторных совещаний на следующую неделю...

Нам с вами – означало, что составлять придется Алисе. Составлять в предельно сжатые сроки, то есть минут за тридцать.

Она не ошиблась, услышав от шефа:

– К трем часам я вас жду у себя с планом. Все! Идите!

Времени было двадцать минут третьего.

Пришлось отодвигать на край рабочего стола чашку кофе, только-только собралась выпить. Откладывая в сторону всю поступившую почту и вплотную заниматься селекторной переключкой.

Она впиалась в журнал для служебного пользования, перелопатила кучу предписаний и распоряжений, проштудировала текущую внутреннюю переписку и через двадцать пять минут с удовлетворением поставила жирную точку под всем, что сделала.

Уложились!

Без промедления распечатала, сбросила на съемный диск на всякий там пожарный случай и встала из-за стола, намереваясь идти к Сергею Ивановичу.

И тут позвонила Инга.

– Что делаешь, Лиса? – Инга коротко хохотнула в трубку и тут же: – Что бы ты там ни делала, дуй без промедления ко мне! Немедленно! Дело не терпит отлагательства! Жду!

Когда она вот так скомандовала, внутри у Алисы вдруг что-то плавно сжалось, будто от предчувствия. Она заметалась по приемной с бумагами, не зная, куда их сунуть. Потом все же решила, что Инга и впрямь сочтет ее сумасшедшей, увидев входящей к себе с ворохом почты. Сунула папку шефа в нижний ящик стола, план-график туда же – сверху, выключила компьютер и только тогда уже побежала к жене своего босса.

Она купила себе новую кофточку, мама дорогая! Розовую, прозрачную, с белыми вышитыми цветками по подолу и воротнику и белыми же пуговичками.

– Скажи, прелесть какая! – верещала Инга, подпрыгивая, будто цапля, перед зеркалом.

– Ага, ничего... – Алиса готова была ее задушить собственными руками.

Пока бежала к ней по коридору, чего только не передумала. И к клевете была готова, и к подставе очередной, и к тому даже, что придется писать заявление на увольнение.

А тут кофточка!.. Розовая... С цветочками...

– Тебе что, не нравится? – Инга обиженно выпятила нижнюю губу, тряхнув короткими черными волосами. – Я тебя к себе, как подругу, а ты...

– Да все нормально, не обижайся, просто... – Алиса беспомощно оглянулась на дверь Ингиного кабинета. – Там Сергей Иванович ждет план на следующую неделю. И не хотелось, если честно, приемную надолго оставлять без присмотра.

– Это еще почему? – Инга, не стесняясь ее присутствия, стянула с себя новую кофточку, оставшись в одном лифчике, повернулась к ней и тут же подмигнула: – Слышала, что ты в последнее время чересчур рассеянна. Бумаги начала терять, влюбилась, что ли?

– Если бы! В том-то и дело, что я тут ни при чем! Просто полтергейст какой-то! Стоит на минуту высунуть нос из приемной, как тут же происходит черт знает что! – Алиса нетерпеливо глянула на часы на руке, было без пяти три.

– Как это? – Инга, продолжая разгуливать перед ней в нижнем белье, неторопливо свернула кофточку, сунула ее обратно в шуршащий белоснежный пакетик, потом убрала его в сумку и тогда уже соблаговолила натянуть на себя водолазку.

– А так! То одна бумага пропадет, то вторая.

Стрелки часов неумолимо приближались к трем, Сергей Иванович наверняка уже проявляет признаки нетерпения. В контексте последних событий ее задержка с планом на следующую неделю будет подобна ядерному взрыву.

Но Инга и не собиралась ее отпускать. Она прицепилась с расспросами, потом вызвалась ее проводить до приемной и всю дорогу изумленно восклицала:

– Да ты что?! В самом деле? Надо же, в туалете, просто невероятно... А... а забыть ты не могла?..

Последний ее вопрос очень Алисе не понравился, очень. Но она не стала оправдываться, все ускоряя и ускоряя шаг.

Влетела в приемную, опередив Ингу секунд на десять, подбежала к своему столу и тут же едва не свалилась в обморок.

Нижний ящик стола был открыт. Папка с документами была на месте, а вот плана не было. Алиса снова и снова переключивала бумаги, чуть не принялась рассматривать их на свет, словно денежные купюры, но передумала. Это было бы уж слишком. Что бы подумала Инга? Она и так смотрела сейчас на нее с живым любопытством девочки-подростка, захватившей своего младшего брата с сигаретами.

– Что на этот раз, Лиса? – живенько поинтересовалась та, заметив, как Алиса ухватилась за краешек стола, покачнувшись.

– План! Он исчез!!! Это просто невероятно...

– А в компьютере остался?

– Да, конечно, – обрадовалась сразу Алиса, усаживаясь в кресло, и потянулась к кнопке на системном блоке.

– Так распечатай – и все!

Кнопка щелкнула, но вместо знакомого нарастающего гула вдруг раздалось странно поскрипывание, потом что-то пыхнуло и заметно потянуло паленым.

– Ой, выключай скорее из сети, кажется, замкнуло! – заверещала Инга и сама, перегнувшись через ее стол, выдернула шнур из розетки. – Господи! Почему?! Что случилось?!

– А это потому, что каким-то глупым теткам, кажется, пришло в голову пить кофе на рабочем месте! Кофе пролился прямо внутрь, вот это что! Ведь сколько раз предупреждать можно...

Инженер-электроник Саша Сизых из отдела с очень съедобным названием АСУП вечно слонялся по офису без дела. Его можно было встретить везде, где угодно. Шла Алиса по коридору, Сашка непременно торчал у нее на виду либо шумно дышал за спиной. Подходила Алиса к лифту, на площадке снова непременно появлялся Сизых. В фойе – снова он с тлеющей сигаретой, зажатой в длинных костлявых пальцах. Теперь вот и здесь совершенно некстати оказался.

Совершенно без стеснения он ухватился за коленки Алисы и откатил ее вместе с креслом в дальний угол. А сам, сев на корточки, полез под ее стол, где стоял системник.

– Конечно! Целая лужа... Дело дрянь!..

Какое дело имелось им в виду, Алиса не знала, ее ситуация так точно вышла из-под контроля. Правильнее, она оттуда вышла давно, но сегодня...

– Что произошло на этот раз?

Дверь кабинета Сергея Ивановича распахнулась. И через секунду он показался на пороге. Сергей Иванович демонстративно держал на весу согнутую в локте левую руку, чуть сдвинув кверху манжет сорочки. Намекал на время, которого не осталось. Потом он глянул на потерянную Алису, сжавшуюся в кресле в самом углу, на костлявый зад Саши Сизых, мелькающий под столом. На Ингу, растерянно улыбнувшуюся ему при встрече, и спросил:

– Что тут снова, черт возьми, происходит?!

– План... Он... – начала было Алиса, тут же вскочила с кресла и сделала пару шагов к директорской двери. – Сергей Иванович, понимаете... Я не понимаю, что тут вообще происходит?!

– Вот и я! – воскликнул шеф насмешливо. – А хотелось бы, знаете! И что с планом, Алиса?! Он готов?!

– Он был готов! – едва не плача заявила она. – Но потом... Я была у Инги, и план пропал.

– Как это?! – Сергей Иванович снова поочередно оглядел всех присутствующих: сначала Алису, потом Сизых и Ингу. – Что значит пропал?! Испарился, что ли?

– Да нет! Кто-то взял его! Забрал! Я положила его вот сюда... – Она метнулась к столу и выдвинула нижний ящик, доставая при этом папку с бумагами. – Положила поверх всех документов и пошла к Инге. А когда вернулась, план исчез. Ящик был открыт, а план исчез!

– Так распечатайте заново, раз он исчез. Кому вот он только понадобился, непонятно? – Он смотрел на нее недоверчиво. – Распечатывайте, Алиса, не стойте столбом, в конце концов!

– Не могу! – слабо пискнула она и, попятившись, снова рухнула в свое кресло.

– Что – не могу?! – Сергей Иванович воинственно подбоченился, распахнув полы пиджака.

– Распечатать не могу! Кто-то залил мой системник кофе...

– Кто? – Тон шефа перестал быть вежливым, теперь в нем отчетливо проступали признаки зарождающегося скандала. – Кто залил ваш компьютер кофе?! Отвечайте, Алиса!

– Но я не знаю! Не знаю!!!

И вот тут Саша Сизых внес свой посильный вклад в дело разрушения ее служебного положения.

– Сама же наверняка и пролила, а теперь на кого-то сваливает! – промямлил он из-под стола, теперь уже на коленках ползая вокруг залитого кофе системника. – Заспешила к Инге, вот по неосторожности и пролила. Чего уж... А машину придется забирать, да...

– Что с ней? – подала, наконец, голос и Инга. – Ремонту подлежит?

– Будем смотреть! – авторитетно заявил Саша Сизых, выбираясь из-под стола и отряхивая заношенные до дыр джинсы от несуществующей пыли. – Так сразу навскидку сказать не могу.

И он ушел, унося под мышкой ее системный блок. Он ушел, а они втроем остались. Сергей Иванович быстро прикрыл дверь приемной, привалился к ней спиной и глянул на Алису, строго заявив:

– Алиса, я требую объяснений!

– Если бы они у меня были! Я не могу понять... Я сама ничего не могу понять! – забормотала она, снова подскакивая с кресла, неудобно было как-то продолжать сидеть, когда эти двое стояли.

– С вами в последнее время что-то определенно происходит, – медленно начал ее шеф. – Мне поступали жалобы, что вы стали очень забывчивы, что у вас начали пропадать важные документы, включая банковские... Потом они вдруг находятся в самых невероятных местах... Может, вам следует взять отпуск?

Это было еще только предвестие грозы. Еще только самое первое несмелое рокотание откуда-то издалека, из-за самой линии горизонта. И распознавалось оно еще очень-очень слабо. Человеку несведущему заметить было не под силу.

Вот Алиса и оказалась тем самым несведущим человеком, который в предоставляемой ей возможности отдохнуть услышала и увидела лишь заботу, и ничего более.

– Нет, нет, что вы! Спасибо огромное! – залепетала она. – Со мной все в порядке! Я... я постараюсь разобраться со всем этим... Если это чья-то шутка... Сергей Иванович, я прошу вас... Не нужно отпуска, я справлюсь!

– Да? Ну, смотрите, Алиса. В следующий раз за подобную порчу имущества... – Сергей Иванович потыкал пальцем воздух, указывая под ее стол. – Вычту у вас из зарплаты. А сейчас возьмите мой ноутбук и наберите план заново. Надеюсь, вы помните, что набирали...

Она все сделала, как он велел. Забрала из его кабинета серебристый ноутбук, быстро набрала по памяти план, распечатала его, утвердила у Сергея Ивановича и тут же лично занесла по отделам, не доверяя больше никаким курьерам. Ноутбук тут же, как отключила, вернула обратно в кабинет шефа и положила на стол справа от него, проговорив для верности:

– Вот, возвращаю...

– Да понял я, – пробормотал Сергей Иванович и глянул на нее, как на больную.

Алиса вернулась на свое рабочее место. Уперла локти в стол, пристроив подбородок на сцепленных ладонях, и неожиданно расплакалась.

Ей совершенно не светило прослыть сумасшедшей! Совершенно не хотелось казаться нерасторопной, забывчивой, непрофессиональной. Она же не такая! Она же справляется! Но вот кому-то не хочется, чтобы все выглядело именно так. Кому?!

– Здравствуйте, к вам можно?

В приемную заглядывал недавно принятый симпатичный юрист, которого Алиса окрестила для себя темным шатеном. Он стоял, выглядывая из-за двери, протиснув в приемную плечо, и растерянно смотрел на плачущую Алису.

– Что-то случилось?! – забеспокоился он после того, как она не отреагировала на его появление. – Алиса... Вас ведь так зовут, я ничего не перепутал?

Она молча покивала. Так, мол, так ее зовут.

– Я могу вам чем-то помочь? – вдруг спросил парень и все же вошел в приемную. – Алиса, не плачьте, прошу вас! У вас такой несчастный вид! Господи, да что же это?!

Это он так переполошился из-за ее последнего судорожного всхлипа, что вырвался у нее на предмет его сочувствия.

Шатен подскочил к столу, вытащил из кармана девственно чистый носовой платок, будто специально предназначенный для того, чтобы вытирать слезы незадачливым секретаршам, и протянул его Алисе.

– Вот возьмите, пожалуйста! И не плачьте... Не плачьте, я вас прошу!

Парень выглядел совершенно растерянным и даже расстроился из-за того, что она никак не хотела успокаиваться.

– Вот что! Идемте куда-нибудь... – Он обошел широкий стол, встал слева и, осторожно ухватившись за рукав ее пиджака, настырно потянул. – Идемте пить кофе!

– Куда? Какой кофе?! Самый разгар рабочего дня!

– Так ко мне и идем. Мой кабинет как раз напротив вашей приемной, двери мы закрывать не станем, все будем видеть и слышать, это на тот случай, если вдруг кто-то позвонит или кому-нибудь вы понадобится...

Кому-то она действительно понадобилась, раз гадят и гадят, гадят и гадят.

А парень действительно хороший. Предупредительный такой, вежливый, без неприятной навязчивости и любопытства.

Усадил ее за свое рабочее место за столом. Тут же засуетился с чайником, чашками. И все говорил и говорил о чем-то, даже рассмешил ее, рассказав смешную историю про собственную забывчивость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.